Михаил Ка.

"ЧерноЕ" И "БелоЕ"

Михаил Ка.

«Черное» и «Белое»

«Издательские решения»

Ка. М.

«Черное» и «Белое» / М. Ка. — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518291-3

Я вам не лгу с первых же секунд. Вы еще даже не прочитали не слова, но я с вами уже играю. Про что?Шесть историй, одно время, один неизбежный финал. Эта история вопрос взгляда, восприятия. Вот только мы с вами знаем, что есть что? Но это вопрос лишь во времени, и убийцы станут — героями…

ISBN 978-5-00-518291-3

© Ка. М.

© Издательские решения

Содержание

Introduction 6
История первая Врач 7
История вторая Сестра 30
Конец ознакомительного фрагмента. 38

«Черное» и «Белое»

Михаил Ка.

© Михаил Ка., 2020

ISBN 978-5-0051-8291-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Introduction

Любая история начинается с одного опрометчивого поступка, он запускает жернова судьбы. Те же, начинают вертеться, перемалывая судьбы людей: вовлечённых в это и нет. А когда-то тебе казалось, что все будет хорошо, что твое существование преполнено смыслом, для тебя, и окружающих, но все это оказалось не более чем иллюзией. В которую ты сам поверил, вернее, убедил себя в том, что нет иной реальности. Но когда этот карточный домик стал складываться под собственным весом, ты вдруг понял, что не желаешь принять новую реальность, и то место уготованное тебе!

Что самое поразительно во всем этом то что, все твою жизнь тебе было это известно, тебе говорили, рассказывали сказки. Но ты, как и любой другой думал, что все это не более чем вымысел! Фольклор что придумал сам народ, дабы объяснить то, что он не понимал. Вот только сказка ложь – а в ней намек, добрым молодцам урок! Мы привыкли, что добро побеждает, что злодеям воздаётся по заслугам. Нам вбивали это с пеленок, только именно «герои» приходят к «злодеям», после обкрадывают их, убивают, но все равно эти «герои» являются светом. А пресловутые злодеи, если вдуматься просто оказались на пути этих «рыцарей света». Может сказки не такие уж безобидные, как нам казались? Может все совершенно по-другому, и стоит поменять местами «свет» и «тьму», и нить повествования станет логичнее? Они «герои» лишь от того, что первей поведали свою историю «деревне»?!

Вы все еще не поняли о чем я? Я говорю о самой древней лжи, сказках предания, фольклоре и здесь неважно кто вы и откуда, на каком языке говорите и думаете. Важно лишь то, что с юных лет вам в голову вбивали эту ложь, так ответьте вы действительно верите в то, что все окрашено именно в те цвета? Но если даже вы каким-то непостижимым образом как думают другие, увидите всю картину, следует задать совершенно иной вопрос. Тот, столь очевидный как кажется мне, но все время ускользающий от вашего взгляда. Зачем все это было проделано и делается до сих пор? И для ответа на него нужно немного капнуть в суть, строение нашего мира. Здесь существует множество версий, подходов и теорий. И дабы не предаваться демагогии в их перечисление и описанию их многочисленных значений, которые сводиться все к одному и тому же просто скажу, все как один говорят об одном существует: свет, тьма и нечто между ними. И для достижение гармонии и абсолютной утопии нужно лишь, что бы свет возобладал над тьмой! Правда, на самом деле это недостижимо и на самом деле нужно лишь, что бы те, что между смели свет и тьму. Что бы эти неопределившиеся массы, наконец, увидели и тех, и тех, поняли, что мир принадлежит именно им, что бы они взяли бразды правления в свои руки. И дали нам то, что мы так долго хотели, возможность сложить оружие, что так долго было сжато в наших руках!

Вы все еще гадаете, о чем это история? Кто мы и как все в итоге закончиться? Вот вам небольшой экскурс и даже сполеры, дабы вас сильно не интриговать. Это истории о том, что сказки не просто выдумка, что злодеи в них совсем иные, нежели вы думали и знали, и что бы вы не делали все равно «герои» побеждают «зло». Но может быть у «зла» нет цели победить а лишь… Хотя в прочем не могу же я раскрыть главную интригу уже на первой станице, я ведь и так слишком много вам поведал так что пора перейти к героям, антуражу, и самое главное главной мысли произведения что я вам хотел поведать с самых первых строк! Так что бы не было много сказоности и украсть хлеб у критиков я просто ее сформулирую: «Все не так просто как кажется нам на первый взгляд, может черное не такое уж и черное, а свет не так уж бел?»

История первая Врач

Любое произведение, фильм, книга или даже простой устный рассказ начинается с представления места и героя. Зачастую даже главный герой на самом деле не центральная часть произведения, вернее не на нем все строиться. Важны события, мысли, то, что вокруг, а не мы! Ну что ж, давайте без лишних слов и затягивания повествования – я наконец, представлюсь, меня зовут…

– Лазарев, – прокричал голос и ударил по кромке кафедры тем самым прервав мой сладостный сон. – Лазарев я о чем-то скучном вещаю, что ты решил погрузиться в объятия морфея, – продолжал он, склонившись надо мной. – Нисколько, – ответил я ректору. – Знаешь, – произнес он присев на краешек трибуны, – им хотя бы хватает такта не спать на первой парте, да я о вас ……, доброе утро вам, – обратился он к людям, так же как и я дремавшим на задворках аудитории. – Я же все равно знаю, о чем вы говорите и вещаете, – ответил я на его ремарку. – Я это знаю, ты талантлив и необычайно умен, но вот какая штука, дальше тебе ожидают бессонные ночи, такую уж судьбу вы выбрали, каждый из вас, – раскинув руками, произнес тот, обрушаясь скорее к присутствующим в аудитории, нежели ко мне. – И вот в чем вопрос будет эти ночи, просто без сна о того что ты трудишься, или же по тому что не можешь сомкнуть глаз, из-за того что совершил ошибку, и пациент умер на твоем столе? В аудитории настала гробовая тишина, которая прервалась лишь моим вопросом, – что то не очень ободряет и мотивирует? Тот улыбнулся и, спрыгнув с трибуны вернулся обратно к тумбе и, положа на нее руки произнес, – а не должно, я должен вас напугать, раз вы не испытываете страха!

– Но страх он останавливает, – ответил я. – Да, бесстрашные врачи, они могут совершить невозможное, но скажем честно в этой аудитории таких человека два-три, а всем остальным необходим этот страх, иначе, чем мы отличаемся от мясников?

И вот настали эти дни, те о наступлении, которых предупреждал он, дни наполненные кусками человеческой плоти, бессонными ночами, и чувством того что мне так нахватало. Подумать только, спустя каких-то восемь лет я уже хирург, тот, кем всегда хотел быть, один из лучших, причем это не мои слова. И за эти выбором не стоит какая-то слащавая истории из детства типа: я подобрал собаку и вылечил ее лапку; нет за этим выбором стоит нечто большее, и одновременно с этим едва описуемое, да и я до какого-то момента не понимал истинной подоплеки. Откровенно говоря, я уже и сам не знаю, почему выбрал именно этот путь! Быть может он был самым сложным именно для меня, а я любил сложности и вызовы, как тогда и сейчас. Но даже это все равно является лишь частью, частью от огромного пласта причинно-следственных связей, из-за которых, или же благодаря им я очутился именно здесь. И смотря на тот путь что я проделал, не жалею о том что выбрал именно эту дорогу. Оглядываясь назад, мне вспоминаться слова моего преподавателя о бессонных ночах, они есть, но в те часы я нахожусь в стенах этого величественного здания, а не один в замкнутом помещении именуемым домом, в потугах закрыть глаза.

Телефон все жужжал и жужжал у меня в кармане, но я игнорировал эти звуки. Только изредка, вынимал его из кармана халата и смотрел на то кто звонил, на оставленные текстовые и звуковые сообщении. Нечего важного не было парочка пропущенных, да и звуковое сообщение от сестры, которое я думал прослушать немного позже. А все о того что в голове роились мысли и мне казалось что вот, вот найду на них убедительный ответ.

Не знаю когда щёлкнул этот переключатель у меня в голове, тот, что бывает наверно у каждого врача. Эдакий тумблер эмоций, вовлеченности, когда ты стоишь, разговариваешь с родными о том, что предстоит их близкому, говоришь все риски, или сообщаешь плохие новости. Ты вроде должен быть вовлечённым, испытывать сочувствие или похожие эмоции, поддерживать, говорить слова сочувствия. Но в этот момент ты думаешь о том, какой кофе

тебе выбрать в автомате, ты не думаешь об их боли, но это не от того что ты плохой, а по той причине что ты сделал все от тебя зависящее. Ты ничего не должен этим людям, может это качество сделало меня хорошим врачом, правда сделало меня плохим братом. Но и именно из-за профессии я потерял часть чувствительности, или же это мое оправдание? По этому я не спешил слушать сообщения отвечать на звонки, быть вовлеченным в процессы социализации, ведь ты из нее вылетел, хотя может ты и не был там никогда, а лишь обманывал других и себя, и на время поверил в это! Именно этими словами я оправдывал то кем я стал.

Я могу рассказать вам о буднях. О том жизни, рутине, что я веду. Операции, диагнозы, общение с пациентами, но кому это нужно? Кому интересна жизнь другого человека, которая так мало отличается от вашей собственной. Все бояться это сказать, произнести в слух, но это так да же нам самим опостылеет рассказ о нашей собственной жизни, и не, потому что мы знаем ее содержание – нет! Просто сюжетных поворотов мало, действие буксует и в ней нет самого главного, что так мы любим в фильмах, книгах. В ней нет трех актной структуры. Так сказать большой промежуток времени, что бесценен для нас самих, но отвратительно смотрящийся на пленке кинофильма, или черных буквах, на белой бумаге завернутых в обложку с подзаголовком, что ты так долго придумывал. Эти истории, что мы именуем жизнью со временем меркнут в нашей памяти и остается лишь парочка поистине интересных. Вы можете и скажете что я не прав, что вы личность выдающиеся, неординарная, что каждая секунда, проведенная на этом белом свете, достойна упоминания на страницах литературного труда, который в последствии станет бесцелером. Ну что ж тогда я за вас необычайно рад, и сочувствую одновременно… Я же наслаждаюсь теми малыми крупицами, восторга и счастья, что есть в каждом дне, и пока этого хватает. Но я думаю, хотя нет скорее знаю, что настанет тот момент, когда… это станет недостаточно!

Я всегда знал, что это случиться рано или поздно. Не питал иллюзий по поводу того что эта часть, работы обойдет именно меня стороной. Но даже в самых страшных кошмарах и фантазиях я не мог представить себе того что первым станет именно она. Что первым пациентом, умершим на моих руках, станет моя собственная сестра. И что я буду причастен к этому событию.

– Иди домой, – произнес Игорь, обратившись ко мне. Я сидел в ординаторской на диване, в моих руках был статоскоп, который я максимально сжимал со всей силой. – Иди домой, мы сообщим, – снова произнес мне друг. – Нет, я сам, – начал я не поднимая головы. – Что произошло, может это моя вина, – продолжил я. – Мы сделали все что могли, – пытаясь ободрить меня произнес тот. – Я не о медицине, – подняв голову, продолжил я, – я виновен в том, что она оказалась в таком положении! – Мы не боги чтобы спасти всех, некоторых просто не возможно, – снова пытаясь хоть как-то вывести меня из ступора произнес Игорь. – Я знаю, – утирая лицо начал я, – но почему не можем спасти именно тех, что дороже нам всего, ведь ради этого мы и пошли этим путем, – едва сдерживая эмоции, промолвил я. – Эта не так причина, по который ты здесь, иди, предайся горю, мы все сделаем все, оформим, – произнес тот. – Нет, нет, – покачивая головой начал я, – я должен сам, я должен знать был ли хоть малейший шанс, что ее можно спасти! – Зачем что бы ты винил себя в ее кончине, – повысив голос, произнес Игорь. – Я итак буду, – посмотрев на него, ответил я, – дай мне шанс найти ответ мог ли я или нет, – уставившись на него, закончил я. – Это не по правилам, – покачивая головой, произнес тот. – Ты знаешь, я не подпушу никого к ней, даже если мне будет это стоить всего, – встав с дивана, произнес я. Тот отвернулся, посмотрел в окно, ведущее наружу в вестибюль, где сновали люди и, вернув свой взгляд снова ко мне ответил, – хорошо я распоряжусь. – Спасибо, – произнес я и кинул деформировавшийся у меня в руках статоскоп на стол и удалился из помещения. Выйдя из ординаторской, я достал телефон, пролистал ленту, нашел то сообщение и включил его.

Когда ты это услышишь тебе станет мучительно мерзко от того что, ты не сделал простую вещь. Но по другому до вас достучаться невозможно, вы хотя бы помните какой сегодня день? И когда ты посмотришь на календарь, на все те пропущенные звонки. Может, наконец, поймешь…

Оно закончилось, свернулась в окошко и на экране телефона осталась дата и время. Я наконец увидел их, понял что они значат для… И от осознание этого я попятился назад, и упал бы если бы не стена. Оперившись в нее, я медленно сполз вниз, очутившись на холодном полу. И уставившись в противоположную стену. Сегодня был ее день, сегодня был день, когда Костя погиб, сегодня был именно этот день… Я понял и словно провалился в огромный бездонный бассейн. Я погружался все глубже и глубже, а звуки города становились тише и тише, пока не умолкли вовсе.

Вода, ее так много мы сами состоим из нее, она окружает всю сушу, ее вены именуемые реками, разрежают земную твердь. Они словно кровеносная система пронизываю и почву, даря жизнь. Мы не можем без воды, она наша жизнь и наша погибель. Стоит погрузиться в нее как звуки становиться тиши, мир словно отступает, перестает наседать на тебя, требовать что-то, что ты не в силах дать ему. Над тобой лишь слой воды, но он стремиться тебя не поглотить, а наоборот вытолкнуть наружу, обратно к жизни. Но в те секунды, что ты погружен, мгновения, пока тебя не вытолкнуло наверх, ты спокоен. Наверно потому что ты вспоминаешь, что когда-то очень давно был погружён в околоплодные воды, и не дышал, ты был спокоен. Ты знал, может быть и даже подозревал, что что-то есть снаружи, но тогда тебя это не интересовало. Но стоило появиться на свет как оказалось что… Метафора, аллегория, сравнения, – хватит я просто опустошен, и единственно, что я могу сделать так это найти ответ. Или же причина просто побыть в последний раз с ней, – вот какая последняя мысль мелькнула у меня в голове, прямо напротив двери морга. Я не заметил, как прошел пять этажей, двадцать коридоров, 587 ступенек, 68 дверей, и оказался около 69. Той что мне очень трудно отворить, ведь за ней, осознание того что это реальность!

Я стоял и смотрел на этот кусок дерева что отделял, время и реальность. Стоит мне его открыть и все настанет настоящее, то в котором ее нет! И вот я приоткрыл дверь, там, на столе укрытая простыней, в свете ламп лежала она. Казалось, что ничего вокруг не было, мое зрение необычайно сузилось, так что окромя ее я не видел ничего вокруг. Я подошел к ней и тут раздался голос.

– Ты смотришь на нее по-другому, – начал таинственный субъект в морге. – Это моя сестра, так что извольте покинуть… – Помещение, – прервал меня тот, – ты действительно так думаешь? Тот спрыгнул с каталки и, подойдя ко мне уставившись мне в лицо продолжил, – ты не знаешь, тебе не сказали, забавно. Он отошёл от меня на пару шагов и, повернувшись, продолжил, положа руки на каталку где лежало тело моей сестры, – и ей наверно то же? Это многое меняет, – и замолк тот на полуслове. – Убирайтесь отсюда, – яростно произнес я, обратившись к нему. – Хм, – улыбаясь, – я пришел сюда с целью, – достав из внутреннего кармана нечто похожее на серебряную спицу произнес тот, – воткнуть это в ее сердце. Но ты все изменил, так что я не просто не сделаю этого я не дам тебе располосовать ее, в поисках ответов, – подойдя ко мне, вплотную закончил он. Я посмотрел в его глаза, и ярость наполнила мое сердце, и только я, было, захотел его ударить, как тот отшвырнул меня от себя одним движением руки. Так что я отлетел в противоположный конец морга. – Ты скажешь мне еще большое спасибо, за это, – начал он. Это же твой первый потерянный пациент, – снимая куртку с себя и кладя на ее тело, продолжал тот. Я поднялся с пола и уставился на оратора, но тот продолжал вещать. – Откуда я знаю, ты еще в своем уме, – улыбнувшись, затих тот на полуслове. – Какого… – вымолвил я. – Это сложно, но пока три, два, один…, – произнес тот и….

– аааааааааааааааахххххххххххх, – прокричала она, вскинувшись с каталки. Куртка что тот положил, укрыла ее оголенное тело. Она была в растерянности и паники. Я не понимал

что происходит, во мне смещались чувства восторга, страха, непонимания, а что было у ней в голове так и вовсе выше всякого понимания. Но таинственный посетитель ничуть этому не удивился, казалось, что для него это было рядовое событие, обычный день не более, так что он все тем же невозмутимым тоном продолжил вещать.

– Теперь у вас полно вопросов, – произнес тот. Но вы мне не поверите, и когда вам опостылеет ложь что вам поведают, тогда свяжитесь со мной, – положив визитку на край одной из каталок произнес тот. Может моя версия будет ближе к правде, и потом я знаю намного более интересный секрет о вас двоих, тот, что вам не сказали. Объясняющий почему ты любимец а она нет, ведь именно по этой причине вы оказались в таком положении, ты врач, а она пытающиеся найти внимания… Хотя впрочем, пожалуй я вас оставлю, вам так много бумажек предстоит заполнить, – отвернувшись и преследуя к выходу произнес тот. – А да, – обернувшись в дверях, дополнил он, – добро пожаловать в мир живых. Эти слова были адресованы ей, он посмотрел на нас улыбнулся и скрылся во мраке.

– Ты как, – подлетев к ней, произнес я. – Я, я, – не в силах произнести ничего другого ответила она. – Все будет хорошо, – смотря ей в глаза произнес я. Дыши, я принесу одежду. Я сделал шаг от нее, но она вцепилась мне в руку и произнесла, дрожащим голосом, – я, я. Повернувшись к ней и смотря в ее глаза, я не проронил ни слова но, этого было достаточно, что бы она отпустила мою руку и ее дыхание стало менее частым. – Я принесу одежду, и мы пойдем домой, – промолвил я. Она кивнула, и я вышел из морга.

Покинув это место я, не мог поверить в случившееся, но это было узрето моими глазами, так что это было реальностью. И нам обоим нужно было принять ее, и сделать это каждому наедине. Хотя я скорее боялся и не хотел того что бы она это увидела, от этого ее страх бы усилился стократно. Так что я шёл по коридору, хоте нет скорее нервно нарезал круг за кругом. В моей голове никак не укладывалось все то, что произошло, все было антинаучно, практически, хотя нет невозможно. Шаг за шагом, наматывая круг за кругом, смотря на однотонные стены, будто пытаясь найти ответ там. И вот зайдя за очередной угол я увидел.

В десяти метра от меня размашистыми шагами ко мне приближалась фигура человека. Его внешность была обманчива, подстать его сути, хотя еще сегодня мне казалось, что этого человека я знал как никто. Он был величавого роста, пятидесяти лет от роду, что удивительное эти года выдавали лишь, седые волосы и взгляд. Лицо, фигура, тело, все остальное было юно. Этот силуэт с острыми скулами и легкой небритостью приближался ко мне, окруженный неоновым светом больничных ламп. На нем был строй деловой костюм с тонким галстуком, черным галстуком, который не только не терялся на фоне черной рубашки, но был своего рода ярчайшим пятном на ней. Пиджак был застегнут на две пуговки, под ним скрывалась жилетка плотно облегавшая, подтянутое тело хозяина. Эта фигура была плотно завернута в черный цвет, единственным иным цветом, помимо белых седых волос, был такой-же белоснежный платок в кармане пиджака. Он, наконец, настиг меня и, положив руку мне на плечо произнес, – где она. Его голос был ровный без намека на какую-либо эмоцию, или он уже знал, тогда, так что я потерял самообладание.

Я поднял глаза и посмотрел на него, простер свои руки к его элегантному пиджаку и, схватив его за отвороты, развернул его и, ударив в стену, пригвоздив к ней, произнес, – что мы такое? – О чем ты, – невозмутимо произнес тот будто ничего из этого не было, и мы вели обычную любезную беседу. – Я доктор, я был там такое невозможно. Она умерла, а потом ожила. – Ты не веришь в чудо, – произнес тот. – Поверил бы если бы не тот человек в морге, – промолвил я. – Мы не совсем люди, сын, может, отпустишь, все таки дорогая вещь, – ответил тот и продолжил, – не стоит привлекать внимание! Я посмотрел по сторонам на нас, было, начали таращиться неоткуда появившиеся люди, так что я отпустил отца и отошел на пару шагов назад. Тот поправил костюм и, повернув голову, произнес, – Здравствуй Александра, – обратил он к появившейся в коридоре сестре. Не знаю сколько, или когда она пришла что именно слы-

шала, но ее взгляд был полон страха, но по какой причине, было нереально понять. – Это долгая история, и не для этого места, – закончил отец.

Раньше я думал, что все имеет какой-то смысл, значение, цель. Что маленькие козочки пазла, которые мы называем своими жизнями складываются в гигантскую картину под название мир. И что без нашего вклада это картинка будет не полна! И да я знал и понимаю сейчас что это был самообман, что позиция привязывание себя к обществу была мне нужна, что бы существовать в нем. И подумать только для чего? Для простой цели – принять эти условности и правила игры, хотя с самого начала своего существования на этой Земле… Наверно и из-за этого я выбрал именно эту стезю, здесь можно было не прикидываться, не играть в эту бессмысленную игру якобы элегантности, здесь все было предельно просто и одновременно с этим безумно сложно и непонятно. Два качества что так всегда я любил в одной профессии. Хм той, что неминуемо сведет меня с ума, как я узнаю позже, но иной судьбы мне не было уготовано.

Хотя раньше я так стремился вписаться в общество, даже в какой-то момент мне это удалось. Но вот причуда, то ли я был изначально сломанной игрушкой, или же время было упущено. Но все эти условности, нормы, законы, что вы соблюдаете даже не глядя, на каком-то подсознательном уровне, я же их вижу, ощущаю. Я задумываюсь о вещах, вопросы к которым трудно сформулировать. Нет не от того что это сложно, все да банальности удивительно просто и от этого ты и не задаешь их. Но я от чего-то их задаю, и не могу ответить, на казалось бы очевидный. И от этого мне становиться страшно, но голова не перестает думать, она кидает следующий, затем еще и еще. И вот ты уже погребен под грудой слов. А на самой вершине отчётливее всего, виден вопрос. Тот самый, что красной нитью задавал ты сам семе раз за разом, используя разные слова, но смысл от этого не менялся не на йоту. «Почему ты не можешь принять условности, по которым живет мир, и люди в нем?» Ты знал, что сделай это и станет легче, но по какой – то причине не смог сделать. Всегда знал, что с тобой что-то не так, или же хотел этого и по этой причине оправдывал свое место в мире! А может быть все намного прозаичнее. Ты хотел быть именно таким, хотя знал, во что это выльется.

Все эти думы, что когда-то давно терзали меня, всплыли внутри и там, в коридоре стоя рядом с отцом и сестрой, я, наконец, отчетливо увидел что, эти вопросы родились не на пустой почве. Что всему есть причина, первопричина и может быть эти вещи, что когда-то терзали меня, терзали не просто так?

И словно диссонирую с тем, что произойдет дальше мне вспомнилась наша последняя беседа с отцом. То о чем мы говорили, как мы говорили, и то к чему все впоследствии приведет, сейчас все стало понятно, о чем в действительности был наш диалог. Но до того как он случился в моей жизни были знаки признаки, но я их игнорировал сейчас все стало наконец так отчетливо видно. Да именно так и приняв этот факт в моей голове вплоть до самой секунды отчетливо всплыло все, и самым ярким пятном было, воспоминая, встреча с «легендой», но тогда еще я думал, что предо мной очередной сумасшедший…

Мы часто говорим, и нам говорят, что нельзя судить человека по внешности. Что первое впечатление обманчиво, ложное, что внешность это лишь фасад, и за ним скрывается нечто иное, не то, что видно при первом взоре. Но есть люди, внешность которых, отражает саму внутреннюю их суть, они не лгут своим видом о том кто они. Этим видом они тебя наоборот предупреждают о себе, еще задолго как заговорят. Таких мало, но стоит им появится в вашей жизни и вы точно, запомните их. Я запомнил! Мне сразу было понято, что он другой, хотя за обилием крови, и грязи было трудно разглядеть его черты лица. Но не лицо мне сказало что с ним… Знает одна маленькая деталь делает из картины – шедевр, один маленький просчет превращает ракету в клуб из яростного огня, мельчайший штрих что узрели очи делает из незнакомца… хотя впрочем.

Есть старая присказка народ, забывший свою историю, обречен, совершать ее ошибки. Но, даже помня ее, зная досконально все факты, мы все равно их совершаем. Но однажды тебе

становиться все равно и тогда ты просто стоишь в коридоре, спокойно попивая кофе из автомата, а в это время. В этот самый момент помещение наполняется кучей пострадавших, с огнестрельными ранения, с рваными ранами, и людьми сшибленными машинами. Но ты в это время пьешь кофе, не потому что тебе все равно, нет просто там достаточно людей, а ты еще не пил кофе, ты на ногах уже второй день и наверно по этой причине тебе немного плевать. Так что ты смотришь на происходящее действо и просто молча идешь к автомату с конфетками, берешь там батончик и, облокотившись о стенку, начинаешь его есть. А в это время люди снуют туда сюда, в помещении становиться шумно, но ты в своем отвлеченном мире и не слышишь ничего, ты погружен в паузу, твоя жизнь поставлена на пазу, на семь минут, в которые ты пьешь напиток и ешь шоколадку.

Но даже в эти моменты твои глаза видят необычное, цепляться за это, по простой причине. Банальности, лжи и простоты, посредственности очень много в мире, и поэтому ты отчетливо видишь ярчайшие пятна. И к ним тянешься, потому что именно они остаётся в памяти все другое стираться, или же забиваться далеко на антресоли в твоей голове, просто потому что это не имеет никакого веса и ценности. Так что я вижу необычное, и зачастую так оно и есть.

Этим пятном был человек, а ярко алом комбинезоне, таким, что кровь, которая обильно покрывала его тело, была различима разве что с близкого расстоянии. Комбез по-видимому был ничем иным как мотоциклетным костюмом. А так же необычной деталью в его образе были длинные волосы, растекающиеся в три плотно затянутых пучка на затылке. Он лежал на каталке в коридоре, нет не от того что не кто не хотел с ним заниматься, просто он был… Не одной а скорее уже двумя ногами на том свете, но словно поддерживая тон своей неординарной внешности, он вернулся.

– Surprenant, mais il nous vaut de penser que c'est la fin… – что, – удивленно произнес я, этот факт прервал мою трапезу, и я быстрым шагом приблизился к нему. – Comme suit est une nouvelle page, suivie d'une autre et une autre, – продолжил тот. – Вы меня слышите, понимаете, можете сказать кто вы, где, и то произошло, – произнес я. – Êtes-vous un médecin, ne savent probablement pas, – произнес тот, повернув голову. – Аня окликнул я проходившею рядом психиатра, ты знаешь французский? Та подошла поближе положила купленный ей раннее батончик в карман халата и поинтересовалась, – но тебе зачем? – Хочу понять, о чем он, – ответил я. – il y avait une bataille, les gens étaient en train de mourir épées de feu, – снова произнес тот. – Видишь, я хочу знать о чем он, – посмотрев на нее, промолвил я. – Хорошо, он говорит о битве с мечами и запалённым огнем, – приблизившись к нему, произнесла удивленно она и продолжила. Quel est votre nom? – nous sommes appelés Trimm! Стоило ему произнести этот как на лице Ани мгновенно нарисовалась неподдельный интерес в пересмешку удивлением. – vous avez des documents? – bien sûr, – ответил тот и потянулся к внутреннему карману куртки. – Je vais aider, – протянув руку к нему произнесла Аня и взяла корочку, что была в его кармане. Отворив ее она произнесла, – tranquillité, отойдем, – уже обратившись ко мне, сказала она. Мы отошли в сторонку, и она начала, – он с аварии? – Ну, да, только это не объясняет, твое удивление, и беспокойство. Анна провела рукой по волосам и начала объяснение, – он сказал, что их зовут Тримм. – Хм хм, это тебя так заинтересовала то, что он сказал в себе во множественном числе, – ехидно произнес я. – Нет то что, паспорт Российский, то, что на его запястье выбито три слова на трех языках, означающее одно и то же. И то, что он не француз, – протянув мне, развернутый паспорт закончила она. – Что, – удивленно посмотрев на нее, произнес я. – Виновника не нашли, ведь так, я думаю именно он лежит сзади нас, и я думаю что он прекрасно понимает нашу речь, – продолжила она. – Что за слова, – спросил я. – raison, Mind, Разум, – ответила она. – Je ne le faisais pas, – произнес тот.

Мы вернулись к нему, и я произнес, – так вы действительно понимаете нас? Тот кивнул в ответ. – Но не можете говорить по какой-то причине, так, – продолжила уже Аня. Тримм еще раз качнул головой и произнес, – elle a ses propres raisons. – Они связанны с разумом, –

продолжила она. – puisque vous ne pouvez pas imaginer, – ответил тот. – Хорошо, – наклонившись над ним, произнес я, – тогда ответьте на другой. – Почему вы живы? Тот улыбнулся и произнес, – parce que je ne suis pas une personne. – Он сказал, что он не человек, – перевела Аня. – Я знаю, – ответил я. И в ту же секунду Тримм отрубился, а к нам сбежались врачи во главе с моим начальством. – Лазарев почему он здесь, быстро его в операционную, – прокричал он. Я схватил того за рукав и ответил, – потому что он должен быть уже мертв. Тот взглянул на меня пронизывающим взглядом и ответил, – поговорим об этом позже, и с тобой Аня то же. – В какую его операционную, – спросил один из свиты врачей прибывших с Игорем. – В третью, – одернув рукав халата и посмотрев на нас, произнес тот и удалился вместе с бессознательным Тримом, оставив нас с Аней одних в коридоре.

– Что об этом думаешь, – спросила она меня, смотря на тот как силуэт этого столь необычного пациента не скрылся за одним из многочисленных поворотов. – Думаю что все это, лишь вершина айсберга, ответил я. И только эти слова слетели с моих губ как к нам подошел один из медиков и, протянув планшетку произнес. – Вот список, у вас был кто? – Его зовут Тримм, – начала было Аня. Но не успела она закончить, как я прервал ее слова, выхватив бумагу и начав внимательно вчитываться в имена. Остановившись на одном из них я произнёс, обратившись к подошедшему, – это точно? – Да, – подтвердил тот. – Какой номер машины был, – продолжил я. – Там их было много, – сказал тот. – О 854 Р С, там был, – спросил я. – Да, – произнес тот.

– нет, НЕТ НЕТ, – быстро проговаривая вырвалось из меня и я молниеносно вынул телефон, едва не выронив его из рук. Судорожно пролистывая страницы в поисках контакта, и нажав на него, пошел вызов. – Ты… – произнесла Аня. Я выставил палец, и произнес, – не сейчас. – Давай, давай, – продолжил я, говоря в трубку. – Да, – раздался голос оттуда. – Ты где, – спросил я. – Я дома, – ответила она. Я выдохнул, и тут до меня дошло, – Костя с тобой? – Нет он…, а по чему ты спрашиваешь. Я сделал пару шагов вперед и, переложив телефон из одной руки в другую произнес, – Саш, машина попала в ДТП, сведений пока мало, но… он в списке. – В каком списке, – прокричала она в трубку. – Приезжай…

– Где…, – положив трубку обратился я было к коллеге как вдруг наше общество разбавив подошедший человек в форме. – Я ищу необычного человека, привезенного с места ДТП, – произнес полицейский. Хоть это описание было крайне неопределённое, я точно знал о ком он говорит. – Зачем он вам, – он же не виновник, – спросил я. – Я не имею право отвечать, но возможно, – произнес тот. – Четвертая операционная на третьем этаже, – ответил я. – Спасибо, – прислонив плотнее к своему телу папку сказал тот и направился прочь. – Он же в третьей, на первом там же где и мы, – посмотрев удивлённо на меня, произнесла Аня. – Да, но нам нужно поговорить, и потом ДТП с таким количеством участников и присылаю младшего лейтенанта, что не вериться, – повернув голову к ней произнёс я. – Нам, – удивленно произнес она. – Да нам, я ведь не знаю французский, и он не полицейский, – ответил ей я. – Представь а я на секунду и забыла какой ты, йобнутый, – произнесла она. – Да ладно тебе не интересно с другими, и потом такие как я …. – замолк я, сделав Мхатовскую паузу, которую прервал, ординатор, на что я и рассчитывал. – Пожалуй, я пойду, а то у вас опять очередные интриги, – напомнил о своем присутствии врач, и побрел дальше но, сделав пару шагов, остановился и, развернувшись, промолвил. Отвечая на прерванный вопрос тела внизу, и они никуда не денутся! – Спасибо, Олег, – произнес я ему в след. – Пожалуйста, но не …, хотя, – ответил он и наконец, побрел дальше по своим делам. – И так миледи проследуем в третью операционную, – обратился я к Ане. – Знаешь если бы меня не заинтересовал это случай то хрен бы я согласилась, – ответила она, делая шаг вперед. – Да я знаю, – произнес я ей в след и, следуя за ней, добавил, – в прошлый раз ты примерно подобное сказала…

Следуя постулатам построения литературного произведения нужно дальше кинуть описаний внутренних терзаний и прочего, но что-то не хочется, ведь герой мерзок так? Ему

не охота переживать и следить, хочется, что бы он одел деревянный макинтош и все, но пока до этого далече, так что продолжаем. – Что, – произнесла Аня, остановившись на пол пути к операционной. – Я что произнес это вслух, – удивлённо поинтересовался я. – Да! – Надо заканчивать с постановками, я слишком вживаюсь в роль, – ответил я. – Это та драматургия на праздник, что вы ставите? – Да, – утвердительно произнес я, опершись рукой о стену. – Попахивает психиатрией, это как Психиатр я тебе говорю, – посмотрев на меня, исподлобья сказала та. – Контекст, четвертая стена, иносказание, так что пойдем дальше, – закончил я.

Как и ожидалось нам были нескончаемо рады! – Быстро вышел от сюда, – произнес Игорь стоило мне войти внутрь комнаты. – Нет, – коротко и ясно ответил я. – Да и почему, – отойдя от стола, на котором находился Трим произнес Игорь. – Потому что вам нужен сосудистый, но его нет, а лучший из всех, что сейчас здесь это я, да и из сосудистый то же я так что…, – подняв руки на которых были надеты перчатки ответил я. Тот сердито посмотрена на меня, но не смог возразить ведь это была сущая правда, но все же он вставил свое три копейки, – а она зачем тогда? – Я помимо психотерапии еще и нейрохирург, – ответила Аня. – Да но с мозгом проблем никаких, ведь, – подходя к столу, ответил тот, – так что ваши услуги, как и твои не нужны! – Да у него в груди картечь, от взрывного устройства, ты это видишь, – подойдя к столу, произнес я. – Да вижу и именно ее собираюсь извлечь и зашить сосуды, – теня за осколок зажимом промолвил он. – Хорошо, – но вот только есть одно, но … – И какое же подняв голову и остановившись на мгновение, произнес Игорь. Я опустил свой взгляд на грудную клетку Трима и увидел как осколки все без исключения и тот, что держал Игорь зажимом начали медленно вылизать из тела сами по себе. – Все от стола живо! И тут я стал одним из свидетелей, того что объяснить не могу, но отчаянно хочу понять. Эти металлические кусочки, словно магнитом вылетели из его тела и врезались в лампу, что была над столом разбив ее на тысячи осколков, все приборы фиксирующие показатели Трима взбесились, а его тело стало быстро заживать, так что спустя всего десять секунд на нем не было и следа от разорвавшийся у него бомбы. – Что это такое, посмотрев на нас с Аней, – вымолвил Игорь. – Он сказал, что он не человек, – ответила Аня. – В это вериться, – снимая перчатки, произнес Игорь, – итак об этом никому, а вам карт-бланш, нужно разобраться с тем, что здесь произошло. Первая часть фразы была адресована персонала, а вторая уже нам.

Вам случалось видеть нечто поразительное и необъяснимое, наверно да за свою жизнь мы хоть раз были свидетелями таких явлений. Но что если вам выпала возможность, исследовать это явление, разобрать его по косточкам, докопаться до самой сути что бы его магия сошла на нет? Что ж я могу с точностью сказать, вам это не удастся, вопросов будет больше чем ответов, но не сделать этого будет еще большем преступлением. Откуда я это знаю, да все просто из опыта, мне довелось заглянуть в кроличью нору, но, как и Алиса, я мало что понял. Если провести аналогию, то разгадать загадку, на которою нет определенного ответа, это как идти в глубь леса, с каждым шагом, ты проходишь все дальше и дальше, в поисках чего-то, и в определенный момент ты уже не ищешь, а просто гуляешь по лесу, потому что корзинки полны, ты набрал больше чем тебе нужно, но всех грибов ты не собрал, и весь лес не исходил, ты лишь прикоснулся не более, но да же этого тебе с лихвой хватило!

Но все же хоть что-то нам удалось узнать и вот это! Мы находились в кабинете, таких тысячи и его описание вам не передаст ни какой сути, а лишь увеличит объем, текста не более, так что прямо к сути.

– Итак, смотри, – протягивая снимки МРТ произнесла. – Куда именно, – всматриваясь в них, промолвил я. – Не в определенные отделы а, в общем, – начала она. Активность, она поразительная, мозг, его отделы не работают непрерывно, но у него все зоны активны. – Да и что означает, – резонно спросил я. – Представь, что мозг это большой компьютер, если его загружать полностью он проработает немного, но если периодически и отделали, то достаточно долго, именно по второму принципу работает наши с тобой, но не его. – То есть ты хочешь

сказать, что он его голова работает вся и постоянно, тогда он… – Он должен быть мертв, – опередила она меня. У него мозг работает за троих это минимум, посмотри на активность синопсисов, на скорость, на количество клеток. – И вот еще, – она взяла три снимка МРТ разных пациентов и наложила их друг на друга, – смотри вот так я до этого дошла. Я простер их к свету и увидел похожую картину, только с разницей в том, что на одном был один человек, а на других, уже трое. – То есть ты хочешь сказать, что у него в голове еще двое, он что Псих, – поинтересовался я. Она отошла от доски со снимками. – В этом то и сама суть у него нет неравных расстройства, у него не расщепление личности, в нем живут не три личности, а три человека. И судя по всему он умнее тебя, меня, и еще сотни людей вместе взятых. – Но как, почему нет конфликтов, – спросил я. – А это самое безумное, – произнесла она и, простерев свое, палец к отделам произнесла, – видишь это так вот он думает на разных языках, это невероятно! – А физиология, кровь… – ничего прервала она меня, он ничем не отличается от нас кроме самого главного, то, что пред тобой. Он как-то сделал это. – То есть мы ничего незнаем о нем, – резюмировал я.

Все те исследования, что проводили мы не привели ни к чему и я в один из моментов я просто решил с ним поговорить! Я долго мялся у его палаты не решаясь зайти, просто от того что не знал с чего начать разговор. Это продолжалось уже более двадцати минут, так что я просто решил отдаться на волю случи я и потоку жизни и отворил дверь. Я прошёл два шага и слова сами пришли в мой разум.

– Вы должны рассказать, – начал я присев на стул что стоял напротив кровати и продолжил, – что там было. Тот взял стакан, что стоял на его тумбе отпил из него и произнес, – вы не поверите, и я не имею право говорить. – Там должна была быть моя сестра, так что я должен знать, – произнес я. – Хм, нет вы хотите знать, это другое, – поставив стакан на место промолвил он. – А в чем разница, – встав со стула, ответил я. – А, вы не знаете, в том, что вам не интересно, что случилось с людьми, вам интересно как все это произошло, вам интересна история, а судьбы. Именно по этой причине вы отличный врач. – А я думал, что по тому, что я много учился, много работал, – ремаркнул я. Тот улыбнулся, и едва не рассмеялся, – вам плевать на людей, вы еще не поняли, но скоро поймете, ответьте вы видите скопление органов и мяса, и нечто большее, когда говорите с ними. – Я вижу, то, что нужно исправить, – ответил я. А, что если вы не в силах ничего исправить, что тогда будете злиться и гневаться на мир, в потугах исправить его как ваш отец? – Что, – удивленно промолвил я. – Да, – произнес он и затих на мгновения, будто подбирал каждое из слов, что скажет дальше, или снова перейдет на язык незнакомый мне, – но вы не такой, и я не в силах удовлетворить ваше любопытство, по крайней мере, сейчас, но я дам вам пишу для размышлений, что бы вы вспомнили… – Да, пожалуй не стоит, – промолвил я делая первые шаги к выходу.

– Есть старая притча, – начал он, повысив голос. Рассказ и миф, в правдивость которого трудно поверить, но все же его смысл… он понятен. – И какая же, или же какой же, – произнес я, остановившись у двери. Тот слега пристал с кровати и продолжил, – вы знает, что мир муравья состоит из трех муравьев: из того что идет впереди, из того что ссади, и из него самого. Но стоит ему выбиться из строя как он увидит огромную плеяду сородичей. – Да и в чем смысл, – поинтересовался я. Тот спустился с койки и произнес, – смысл в том, что мир намного запутанней, сложнее, чем вы можете представить. В том, что пока вы не видите всей картины, que vous allez toujours pour les fourmis, en une seule ligne. – Что, – снова спросил я, не поняв языка, на котором была произнесена последняя фраза. – Тот слегка улыбнулся и промолвил, – когда вы поймете, вы не поверите первому оратору, второй же будет столь близок вам что каждое из его слов будет разжигать в вас сомнения, и тогда вы вспомните нашу встречу, этот разговор. И после этого найдите меня. – Как я вас найду, – задал я резонный вопрос. То подошел к шкафу отворил его взяв из него куртку и произнес, – you want to know the truth, but the world of lies (ТАК БУДЕТ НАЗЫВАТЬСЯ БАР В КОТОРОМ ОН БУДЕТ) is much closer, – вас будут

интересовать вопрос не как, а какие вопросы задать! – Вы свободны, – произнес я и отворил дверь.

Выйдя из палаты, я выдохнул, и было побрел по холлу мне на встречу проследовал человек образ, которого показался мне знаком. Он прошёл мимо и остановился около палаты Трима, я же свернул за угол и только я это проделал, как в моей голове всплыло, то место где я его видел, это был якобы милиционер и тут.

Тут раздался выстрел, затем еще и еще, он был не приглушен, глушителем. Этот звук был громок, его волны отразились от стен сделав его необычайно объёмным, и пугающим. Я даже не успел подумать, как мои ноги поменяли направления, и рванули обратно к палате Тримма. Хотя уже тогда в голове промелькнула мысль о том, что тот мертв, и я могу стать следующим, но часть профессии или же меня самого, сделала эти шаги. Я вернулся и только вышел из-за угла как увидел его, а он меня. Тот лже милиционер вскинул руку, в которой было орудие смерти и направил на меня, еще секунда и раздался бы выстрел. И десять грамм бездушного металла, закончили мое пребывания на этой Земле. Я уже видел как его палец начал сжимать курок еще доли миллиметра и все, но тут, из палаты вылетел Трим сбив того с ног. Он буквально впечатал его в стену, тот выронил пистолет из руки. Смертоносный метал, упал на пол, а следом за ним и две капли крови, и я увидел алый шлейф, что оставило за собой Трим. В нем виднелись три проточены от пуль, два в сердце, еще одно в районе печени, но все же он был еще жив, взгляд доктора заметил эти детали. – Уводи всех, – выкрикнул он, выведя, меня тем самым из ступора. Вся эта сцена длилась мгновения, но у меня в голове все казалось дольше. – Ты его не найдешь, мы выиграли, – произнес мент, смотря Триму в глаза. – his flight will launch all, les êtres chers deviendront des ennemis, а король вспомнит и тогда…, – ответил Трим. – Я всегда хотел убить такого как ты, – произнес тот и достал с сзади нож, и попытался нанести удар, но тот увернулся. – Да, тогда старайся лучше, – схватив его и проломив им стену промолвит тот стоя над ним. – Уводи людей быстро, – покричал тот снова. – Да, да, – произнес я вслух и быстро стал поднимать оставшихся пациентов, с каждой секундой звук их голосов был все тише и тише, но все же Трим и второй оставались в поле моего зрения и я слышал их разговоры и драку, которая закончилась звуками разбившегося стекла и падение но до того как это случилось, была следующая мизансцена.

– Вы уже проиграли, – перекидывая нож из руки в руку утверждал лже коп. – Да тогда от чего вы так боитесь, – ответил Трим и сняв огнетушитель с постамента и окатил того с ног до головы. Тот покрылся ледяной коркой и ослепленный на мгновения, но этого хватила Трим разбежался и пробил им стенку очутившись в соседней палате. Он уронил того на кровать, но что удивительно коп не отрубился он все также пребывал в сознание. Мой пациент встал и, отойдя от него, – вы думает мы утаиваем, мы защищаем вас, – прокричал он. – Вы хотите начать войну, хотите развязать кровавую бойню, когда каждый сражается со всеми! Ну, нафиг, – отряхнув рукав от пыли и останков стены затих на мгновения тот, – если вы этого так желаете так вот он я, вот он повод, вот оно начало. Развел Трим руками. Коп встал с кровати, он отворил, подол своей куртки, достав от туда одинокое острое лезвие, то было отполировано и наточено настолько, что сверкнуло на луче солнца и этот отблеск ослепил меня на секунду. – Что ты теперь не так уверен, – промолвил Трим ему. Тот сделал пару шагов впереди поравнялся было уже с ним, и тут завязалась потасовка. Шансы были почти равные с учетом того что у одного был нож, а у второго три пулевых отверстии. Их драка примешалась из палаты, обратно в коридор, на своём пути они причиняли невероятный урон имуществу клиники, как стенам, так и мебели. Но не один из них не уступал, так что иного конца было трудно вообразить. Все случилось, так же как и у Конан Дойла, с разницей лишь в том, что внизу не было бурных вод падающей воды, а все во лишь шестой этаж больницы. Они переместились к окну и тут, один из них сделал выпад, а второй, будто именно это и ждал, но план обоих не заключался в том, что бы в итоге вылететь сквозь стекло. Именно так я подумал, но именно это

произошло, не могу сказать, кто полетел вниз, а кто потащил за собой. Раздался оглушительный крик стекла, его грохот и вот уже их нет в коридоре, одни лишь едва различимые осколки на полу.

Опять же эту дурная профессия, ее рефлекса, или моя суть подстегнула рвануть туда, не знаю почему? Помощь, любопытство, или совершенно иное качество моей личности? Это не суть важно, важно то, что там, внизу не было тел, там не было ни намека на то, что хоть кто-то ударился об асфальт. Именно так завершилось наше знакомство с Тримом, так же загадочно и необычно, как и началось.

На этом экскурс в мое прошлое окончился, и я вернулся обратно в реальность, вернее в ее новую ипостась! И следом за этим понял, что седой человек причастен ко всему этому, что у него есть ответы. Но хоть это мысль была отчетлива и ярка, я все же не дал ей до конца резвится, и обрубил ее в начале, может быть, просто знал истинную причину, но все же часть меня пошла дальше. Она отчетливо сверкнула в голове, и я ежесекундно ее отчетливо отзвучал, – Скажи это ты! Отец отошёл от меня на пару шагов, его взгляд был направлен вниз, повисла секундная пауза и, подняв голову он промолвил. – Это неважно, но да большая из частей моя! Но это не то место для разговоров. – Хм, ответь мне на вопрос, всего на один, но от ответа на него будет зависеть очень многое, – сверля взглядом его, произнес я, и все от того что часть меня все еще цеплялась за тот старый мир, но другая рвалась вперед, так что я застрял где-то посередине, и единственный островком был он. Так что неважно, что бы он ответил, вся напускная бравада, была скорее для виду, и это знал как он, так и я, но все же. Этот фарс был нужен, что бы мизансцена выглядела напряжённой и законченной!

– У тебя не один, у тебя тысячи, но все же, – произнес он. – Она будет с тобой в безопасности? – Да, кто я, по-твоему, – попытался сыграть удивления тот, но эту фальшь я сразу раскрыл. – Вот именно кто ты, я тебе всегда верил и не смогу понять где, правда, а где ложь, я ослеплен тобой, пока, но это продлиться недолго, а пока у тебя есть время! – Время, для чего, – поинтересуйся отец. – Сплести паутину лжи так, что бы я закутался в нее как в одеяло, и да же бы не помыслили о том, что все, что ты произнесешь, будет не чем иным как манипуляцией! В эти слова я попытался вложить максимум для того что бы мое бегство казалось, обдумыванием шагов огромной шахматной партией, а не простой банальной паникой. – Так ты теперь думаешь обо мне? – Я не знаю, – ответил я и посмотрел на него, после мой взор переместился на Сашу, я не произнес ей не слова, но одного взгляда наверно хватило, что бы она поняла все, ведь порой тысячи слов не достаточно, а трех слишком много.

Оставив сестру с отцом, я вышел из клиники, мою голову разрывали всевозможные мысли, по разным поводам, их было так много что я практически не видел ничего перед собой, на мои глаза опустилась вуаль мира, словно он был нечто иным, незнакомым, так что моя поступь не отражалось в сознание, я шёл буквально по наитию. Куда и зачем? Эти вопросы всплыли у меня лишь спустя часы, кажется, я обошёл половину города, просто бездумно, хотя нет скорее именно что думающи, словно шаги убаюкивали мои мысли, заставляя одни уйти на покой, дремать дальше в мозгу, а на иные найти ответы. И стоило сократиться количеству дум как я стал замечать то где я иду и, то кто за мной следует уже продолжительное время по пятам. Этот субъект был мне знаком он примерял разные личины, но все же я знал его, хотя по началу я видел лишь его тень. Но не этот момент самый поразительный, не то что увидел слежку, а то, что казавшиеся часы, что я бродил, оказались днями. Я настолько погрузился в свои думы, что понял это только лишь тогда, когда мой недруг оказался обернутым скотчем, на старой заброшенной фабрике, примотанный к стальной колоне. И то лишь по той причине, что краем глаза увидел цифры календаря на своих часах, когда взял его за отворот рубахи в приступе ярости к самому себе! Но что-то я забежал вперед, так что вернемся и закроем пробел. Итак….

По восстановленным фрагментам памяти… Наверно я представлю эту картину в виде черно-белых тоннах немого кино. Да именно так, так будет вернее, и потом вы наверно уже устали от монотонности повествования, так что внесем иной оттенок. Ведь следить за историей неразделённой на главы, для простоты восприятия-трудно, но наша жизнь ведь не делятся на фрагменты она монотонна и неумолима во времени, но или это лишь у меня? Что же касается общего то… Наш мозг устроен совершенно алогично, не важно как хорошо он будет изучен, мы все мыслим уникально, наши синопсисы то, как рождается конкретно у вас мысль, как вы можете интерпретировать мир, окружающих, столь обширно и невероятно, что мы не в силах передать это, другому в том виде как мы это видели. Но именно по этой причине, зачастую рождаются величайшие фрагменты искусства. Именно этот кусочек я и хочу вам показать, ведь то как это произошло, была не интерпретация, именно так я видел мир!

Под звуки пианино, слегка ускоренной картинкой, так что походки людей казались комичными, словно в работах Чаплина. Я шёл по городу, все немногочисленные разговоры, что я слышал краем ухо, либо заменялись нотами фортепьяно, высокими и низкими в зависимости от сути, и значимости, а иные так и вовсе вырисовывались на стенах и тротуарах надписями, только видел их лишь мой взор. За эти дни меня чуть не сбило машина, водитель ругался на меня, но я слышал лишь тревожную тему и слова что были посланы мне отобразились, буквами на капоте его авто, все за исключением бранных. Другая мизансцена, ругающаяся пара, на алле в парке, но стоило первым каплям дождя упасть на них… Они укрылись под кроной векового дуба, и как вода смывает пыль так же их разногласия пропали. И вот они уже целуется, но картинка не выглядит романтично, все как-то коряво, или же я просто так вижу?! Подобных сцен еще около полусотни, в одних люди, в других животные: собака, идущая по своим делам, в глазах которой чувств больше чем в некоторых людях, кошка на дереве, голуби, что просто разрезают потоки воздухи у тебя над головой, и просто город, его звуки, сердцебиение, его запах. Кажется у этих картине нет ничего общего, но абсолютно на всех, на задворках, по краям, в самом дальнем углу, присутствует тень. Тень существа, что пристально следит за мной, уже очень долго. Может быть это паранойя, но нет, я свернул за угол потом еще и еще, описал круг, но таинственный наблюдатель все еще смотрит, значит это не игры разума, это реальность!

А если это реальность то и его образ, подлинен, и в эту секунду родился план. Еще поворот, затем еще и еще, он все идет и идет, людей на улицах становиться меньше мы приближаемся к месту, где будет только он и я, поворот. Я за углом, он на секунду потерял меня из виду, именно это было нужно. Мы около заброшенного завода, так что здесь полно досок, и одна оказалась как раз в моих руках. « Шаг, шаг, шаг, три, два, один, бей,» – высветилось слова на земле. Его образ появился из-за стены, удар пришёлся ему прямо в голову доска разлетелась в щепки, звуки пианино оборвались, тот рухнул на землю, наконец, явив свое лицо четко и ясно. Следом за этим мир стал вновь приобретать краски, и звуки.

И вот он, наконец, оказался в заброшенном помещение привязанный к стальной колоне. Я склонился над ним, тот все еще пребывал в бессознательном состоянии, открыв подол его кожаной кутки я вынул документы и телефон. На этом моменте «черно-белое немое кино», оставляет свои бразды, картинка приобретает цвет и следом за ней я возвращаюсь в реальность. Он потихоньку начинал приходить в сознания, и стоило ему открыть глаза как началось.

Я сел, напротив него пододвинув стул, так что его спинка была у моей груди, его металлические ножки прочертили по полу оставив две неглубокие бороздки, издавая при этом мерзкий едва описуемый звук. – Знаешь, – начал я. – Я еще никому этого не говорил истинную причину, того что я стал доктором, не то розовое нытье, а то самое зерно – почему. Ты хочешь знать? У него был скотч на рту, но по глазам я понял что да, хотя это не имело значение. – Химия друг мой, – ткнув его пальцев, висок произнес я, – как маленькая доза веществ, влияющая на то, что мы думаем, как действуем, что говорим. Ведь, по сути, мы простой набор эле-

ментов, жидкостей, что текут по нам, добавив одну мы смещаем баланс в организме и происходит, регресс болезни, надо просто знать что добавить. И вот в этом я хорош, хорош в химии, почему как ты думаешь, у тебя завязан рот и я не задаю вопросы, именно по этой причине, ты же будешь лгать, но вот стоит вести пару веществ и те доли мозга, что отвечают за вымысел будут недоступны и ты скажешь все. Но стоит ошибиться на сотую долю процента, и все, ты умрешь, станешь инвалидом или еще кем-то? Я улыбнулся и, постучав его по колену закончил, – как ты думаешь, я правильно все посчитал?!

– Но пока они не подействовали, я немного расскажу тебе о том, что со мной произошло за последнюю неделю, что бы ты понял что ответы, которые ты утаишь я в любом случае получу, но вот что от тебя останется и останется ли в этом вопрос и решать исключительно тебе! У тебя бывали такие моменты, когда ты вслух произносишь свой внутренний монолог? Убеждая себя в чем-то или же отговаривая, как врач я могу сказать, что это не совсем нормально, это свидетельствует о внутреннем диссонансе в личности, так сказать первый шаг к Шизофринии! Я улыбнулся на этой фразе и встав со стула продолжил, – но ведь все говорят сами с собой, некоторым очень нравиться звук своего собственного голоса, но почему-то считается что это признак начала болезни… Хотя с учетом того что со мной произошло за последние недели, это не так, так что ответь мне на вопросы, и может быть тогда перед тобой будет не психопат, а человек, понявший, что мир намного шире. В первом варианте мои действия будет непредсказуемы, и нелогичны, итак, – закончил я и подошёл к нему и сдёрнул пластырь, что залеплял ему рот.

Тот уставился на меня и произнес, – ты да же непредставляещь… – В этом и есть самая суть, я понятия не имею что происходит, что с миром не так, но я точно знаю, что, ты имеешь к этому отношение, так же как и мой отец, – перебил его я. Опережая твой вопрос, откуда, – достал я его телефон из своего внутреннего кармана куртки и пролистав до нужной фотографии продемонстрировал ему, – потому что я не верю в совпадения! – Это…, – промолвил тот. Я же молниеносно листанул дальше и дальше указывая на иные фото его с моим родственником, – и это и то! – Кто ты, кто я, кто он, что с миром, кто тот человек в морге, кем был мотоциклист, и самый главный ради чего все это? – ХАХАХАХА, – рассмеялся тот. – Я не знаю ответа даже на треть!

Это как с верой в бога, тебе не нужны доказательство, что бы верить. Нужен или страх или надежда, это два столпа. – И вы готовы умереть за это, – спросил я. – хмхмхмхмхмхм, все секты строится на том, что дают человеку цель, цель, смысл жизни, эдакое приобщение к чему-то глобальному, но здесь главное не перемудрить. – Да значит вы секта? – Скажи, а какая сейчас цель существовании в мире, каждый второй ни чувствует ничего, не своего места не вклада, и это пустота сжигает, – начал тот. Нет, так же как и они, мы знаем ради чего боремся, знаем, что это такое, а они знаю что защищают, хотя мы оба не знаем конкретно, что это! – Звучит как-то размыто! – Тысячи лет люди верили в чудо, в магию, хотя невидали чудес, но стоило им узреть, как они тут же обернули это наукой, даже то, что не смогли объяснить, знаешь почему? Потому что масса бояться. – Нет, это не так, – ответил я, вскочив со стула. – Да тогда скажи мне почему ты здесь, ты видел чудо, но вместо того что бы изучить его прикоснуться, ты со всех ног убежал от него. И та правда, что я говорю, все ее воспринимают в штыки, как и ты, так ответь, кто из нас лжет, на мой взгляд, пленник здесь только один и это не я! Эти слов взбесили меня я вернулся к нему взял его за отворот рубахи тот посмотрел на меня и ехидно промолвил, – так сколько времени! Я невольно посмотрел на свои часы и узрел… На часах было три семнадцать но день был…, с момента гибели воскрешения прошло семь дней. – Задайся простым вопросом, ты спрашиваешь, но хочешь ли знать ответ, лишь потому, что ты уже в курсе, – продолжил тот. Я провалился, словно был на глубиннее бассейна и никак не мог всплыть, но не захлебывался, а просто звуки были приглушены, а тот все не затыкался. – Хочешь знать кто он, кто я, что с миром, и еще тысячу, так вот… Я герой сказок, ты сын

короля, а они антагонисты зло в этой истории, кощеи, ведьмы, лешие, вот кто, а с миром, все просто, он всегда был наполнен магией, просто сейчас это не так афишируется! А зачем война так все просто, они охраняют главную магию, от всех! Представь что возможно, излечить болезни, свести конфликты на нет все это, все эти рычаги есть у них, но они не делятся вот в чем причина вражды. Но твой отец решил положить эту конец, война началась и в ней мы, наконец, одержим победу, а ты решай?

Его слова было словно мантрой разученной, оточенной с паузами, с мимикой на лице. Он не просто верил в это, он жил в этом мире, словно иного не было. Но его нельзя было назвать безумцем, или фанатиком. Наиболее подходящее слово – солдат! – Скажи, сколько умрет, сколько людей не вовлечённых, какова цена, вашей веры, ведь, по сути, ты мне не сказал ничего, – произнес я, придя в себя. – Миллионы, – ответил тот. – Но это не важно так, ведь вы не будете в их числе!? Произнес я. – Скажи, – подался он вперед, его голос стал необычайно высок, – если бы тебя сказали что, пожертвовав собой, своей жизнью; мир, твои друзья, все люди попадут в место или хотя бы приблизятся к тому, что описано в писание; или представлялось тебе в воображение как нечто прекрасное; ты не поступишь так? Что же касается меня, то тут нет даже тени сомнения, это даже не вопрос! – Ты просто фанатик, – ответил я. – В том то и самая великая шутка, пройдет неделя и ты будешь думать так же, просто от того что не остановишься и найдешь ответы, но оратором буду не я! – Да, – спросил я, тот поднял свою голову и произнес, – да, – я сделал шаг к нему и тут раздался телефонный звонок, – это вас!

Внутри меня кипела ярость, все чувства были на пределе, они приплелись и закрутились в штопор, в огромный вихрь. Еще секунда и я бы выпустил их наружу, и лишь этот звонок, словно по времени остановил меня. И сработала эта пресловутая мышечная память, рука сама нырнула, а телефоном.

– Да, – промолвил я, ответив на звонок. Слова что полились с телефона, дальше принадлежали моему отцу, тон с которым он произносил, одновременно отрезвил меня и вел в ступор, настолько, что я не смог ответить. – Все еще бегаешь, она тут, ты нужен, ведь через полчаса она сорвётся, и тогда это уже будет на твоей совести, – произнес он и оборвал звонок. Это короткое сообщение, что длился меньше минуты разозлил меня, настолько, что я даже забыл о пленнике, и все мои мысли были направленны на то чтобы лично высказать все ему. Ирония том, что именно этого он и хотел, как выясниться дальше.

– Ну что ж, – повернувшись лицом к прикованному человеку продолжил я, – мне нужно отлучиться, так что не скучай, а пока подумай над тем, что сказать, дальше! Вернусь я не в самом лучшем расположении духа…, так что… Тот улыбнулся и ответил, – уверен так и будет!

Вы помните дорогу до роботы, хотя нет, не так вы помните каждый день как вы ходите на нее, или вам запоминаются лишь отдельные дни в которых было что-то не так! Я полагаю последнее, но поразительное то что я не запомнил дорогу, только чувства, это гнетущее предвещающее что-то, оно меня не оставляло, и увидев, наконец, дом я понял почему. Хотя нет не понял, просто увидел, узрел то что не понять и солгал самому себе что понимаю, лишь для того что бы… Хотя и сам не знаю за чем, наверно тогда я уже знал как поступлю, что выберу, как мы поменяемся местами, а был ли иной выбор?

Вам случалось оказываться в эпицентре, стихийного бедствия, в момент когда оно только зарождается, кажется в воздухе витает напряжение, ты это чувствуешь, где-то на уровне инстинктов, словно животное. Они это чувствуют и от того покидают эти места задолго, но… Мы видим сигналы этого, но наш глаз не цепляется за эти детали, мы попросту их игнорируем! Эту тишину, обусловленную отсутствием птиц, и животных, там нет никого кроме людей, кроме нас, венцов творения, вот насколько мы глупы, а все ведь очевидно! Все словно картинка, полотно экспрессиониста, на котором нет людей лишь обстановка. И там где другие

видят лишь разрушения, ты видишь борьбу, эмоции, крик о помощи. Но вот ты там видишь эту диораму, ты ее участник и все что ты делаешь так это ничего и затем…

Все предметы, вся комната замирает, и она смотрит на вас и произносит, – End is near! А после проделав дыру в доме скрывается прочь! И все это кажется таким нереальным, словно фильм, но не как не реальность. А потом ты потихоньку начинаешь осознаваться весь этот ужас, все то, что ты видел. И наконец, краски становиться не такими ослепляющими, цвета потихоньку тускнеют до нормальных, и вот ты понимаешь; у тебя в голове, наконец, устаканивается реальность, что это все настоящее, что это не вымысел, а повернув голову ты видишь его!

Он начинает говорить. В его словах, там…, необычайная боль и ложь; переплетенная с правдой! Правда что показывала мне насколько я эгоистичен, и звучала она от него, ноя ее не слышу, а лишь… лишь…

Спускаюсь по лестнице, отец все еще продолжает вещать, там длинная бравада слов, но для меня это белый шум. Его слова не фиксировались в моей голове, слишком много была сказано ранее, слишком… В кокой-то момент он резко что-то прокричал, и да же остановился, он был за моей спиной в метрах трех стоял на лестнице, а впереди была дверь, вернее остатки. Я посмотрел на то, что было вокруг на все те разрушения, на комнаты что хорошо просматривались из моей точки, на весь тот хаос, что окружал меня. Кажется, все должно отразиться длинным трагическим монологом у меня в голове, но его не было, была лишь четкая мысль, что это не ее вина, и что я могу ей помочь, а все остальное просто пустое. И это был не вопрос, а указание к действиям, все заняло не более секунды. Шаг на выход, и новый путь!

Выйдя из разрушенного дома, заполненного всем от огромной мебели, до мизерной чайной ложки, всеми этими предметами, что стали жертвами этой ярости. Ярости необузданной, но все еще хоть как-то направляемой! По этим осколкам, буквально словно по тесту Роршаха, можно было составить психологический портрет, то состояние в котором она сейчас, и я его видел, отсюда и знал где она будет. Было лишь единственное место!

Место как бы я не пытался его описать, в итоге вы не увидите его! У каждого будет свой собственных холм, своя трава, что впивается в кожу, неважно кошеная она иле нет. Это небольшое возвышение, откуда видно озеро, что периодически то чистое, то снова поросло травой, словно чувствуя или, передавая дух времени? Она сидела там и говорила в слух, ее слова, были слышны но я не хотел в них вслушиваться, но все же уловил суть, обрывки звучали до того как я осмелился приблизиться.

Почему я позволила это сделать… зачем это делаете сейчас, … ведь так! Этот воздушный замок рухнул за пару секунд у меня в голове, а может именно этого вы и хотели!? На этих она затихла ее голова повернулось, я подумал, что она заметила или услышала мои шаги но нет, она просто задумалась над своим вопросом! И подавшись иллюзией того что нет него рядом она продолжила.

– … остановитесь, не надо! С такими друзьями и врагов не надо, с вашими благими намерениями, я или сама развалюсь на тысячи осколков так не смогу собраться, и никто из вас не соберёт, или же все станет так намного лучше. Все эти слова были переплетением настоящего прошлого и будившего, некоторые фразы я слышал раньше, причем на том же месте, но с иным оттенком чувств, вот что всплыло у меня в разуме, но она все продолжала. Я уничтожу все вокруг, потому что нечто, что внутри меня раз за разом останавливало, с каждым разом становиться слабее, а то, что рвется мне уже не хочется сдерживать. Но все еще по какой-то причине я держусь: дни, недели, годы, но быть может вы очередной раз «поможете», и в то же мгновения не узнаете меня. И отсюда вопрос…, – произнесла она и затихла… Наконец увидев меня в отдалении!

– Просто сейчас все так отчетливо видеться, – замолкла Саша на мгновения и, словно вкладывала каждый синопсис своего мозга в следующую фразу, – те моменты что вы…, якобы пытались помочь, но действовали лишь из своего эгоизма не более, и в итоге, вы меня уничтожали! – вы хотите, чтобы люди менялись, или что бы вам жилось легче или же для них самих? Она задала вопрос, ответна который я знал, чувствовал, но все же попытался с юлить – нет просто солгать, и от того ответил, – для тебя для них! Эту ложь, что отчетливо знал и я и она, вот только теперь она была честной и сказала что это неправда, но вот ирония я не могу даже в голове произнести эти слова она же…

– Нет, все, что вы творите это лишь ради себя любимых, что бы облегчить свое пребывание на этой Земле, и самый просто способ почувствовать, что ты живой, это толкнуть человека с обрыва. Неважно настоящий он или нет, в итоге человек разобьётся, но вы, то почувствуете что живым, живыми, и на контрасте происходящего?! – Скажи каково это смотреть на того кого кинул в бездну, а он вернулся и вместо того что бы разорвать всех вас на куски, хотя у него есть все моральные права, он просто холодно с тобой говорит?!

Почему-то ее слова отражались у меня в голове, быть может она затронула не струны души, а капнула дальше туда, в исток. Того что все мы боимся, признаться в том что мы уничтожим друг друга за призрачный шанс не испытывать боль? Или же просто ее слова были правдой, и часть моих поступков были не чем иным как эгоизмом, и способом, но я убедил себя в ином?! Но я недолго задумывался об этом она продолжала, но если бы я даже мог вставить и хоть полслова, я бы просто поддакивал, вот только это не в моей природе! Так что…

– Знаешь, вся эта долгая тирада все, это подводка к простой мысли, что я так часто вам говорила, но все вы думали, что это не более чем шутка. Грань что отделяет меня от безумства, неимоверна, тонка, и каждый раз я с неимоверным усилием отгоняла себя, чтобы ее не перейти. Но теперь я за ней, вы все еще думаете, что перед вами прежняя Саша, но это не так! Но какая-то из моих черт прорывается и кричит, опасайтесь меня, но вы не слышите! – Да я, знаю, но ты… – Я убью вас всех, за то кто вы, за то, что вы сотворили, и это правда, – произнесла она. – Я знаю, – разведя руками, выкрикнул я, не поверив или же снова проигнорировав ее, – но я знаю, что ты неправа, он неправ, – ткнув пальцев небо, указывая на тень отца, продолжал я, – я неправ, никто не прав! Но быть может вместе мы сможем прийти к той правде?! – К той правде, – едва не размаялась она, – к той правде, очнись они используют нас, и ты это видишь, но и не видишь, как не видишь того что я кричу говоря о том что мы такое, что дальше, ты не видишь! – Да, я вижу, – накричав начал я, – вижу то, что каждый хочет, хочет необычную жизнь, необычных людей быть уникальный, вот тебе это дали, и ты играешь, роль говоря, что это не для тебя и это тебе не нужно, но нет именно это и нужно признай! – Ты говоришь об этом будто это случайность или дар, – начала она, подойдя ко мне вплотную, вот только у тебя она полна…, а у меня лишь боль… Такая что не перекрывает и половины, но да я не хотела бы иной, но это лишь от того что я прожила эту жизнь, помню каждую секунду, вот только в итоге я оказалось здесь! А вот бы если бы, да…, – спросила она! – Тогда бы, хм, хм, я сейчас чувствую лишь боль так отчество ясно, что не могу лгать не себе ни тебе, никому бы то ни было, – начала Александра. – В итоге, я все разрушу как …, но все же пойду с тобой, и, зная это стоит ли меня брать?!

Самое распространенное, нет не так самое отчетливое что всплывает у вас в голове… Это не монолог, не утвердительное предложение Это обилие вопросов. Вопросов и утверждений, предостережений, что мы игнорируем, не отвечаем, проходим мимо. Просто от того что мы думаем что умнее, да что уж скрывать большинство просто высокомерные сволочи, и от этого неспособны воспринять не вопросы ни критику, и тем более предостережения! И вот самое интересное здесь не будет катарсиса, я такой же и не воспринял, сказанное прямо в лоб!

Знаете откуда так часто возникает чувство дежавю? Оно из снов, в них мы видели схожие сюжеты, а быть может будущее, только там не было той лжи, и все было понятнее… сон всегда

начинается неожиданно и мы помним середину, конец, но никогда начала. Но я додумал… все тот же холм, тот же вид но иной настрой, иные слова но в итоге все равно дежавю. И во сне было иначе, но так же…

– Вот и ты, произнесла она. Я подошёл ней из-за спины и сел рядом на этот холм. – Ты, …. Я не знаю что произнести, – промолвил я. – Не знаешь, что сказать или не знаешь, как убедить меня, – спросила та. – Не знаю что сказать, убедить не могу я сам не знаю, – ответил я. – Они уничтожат нас, это знаем мы оба! Но хорошие люди умирают лишь от того что мы не может принять свою судьбу, ни это ли эгоизм, – повернув свой взор на меня сказала Александра. Мы так хотим нечто большего, вовлеченности, причастности к огромному, но вот мы ирония, посмотри, где мы?! Мы убежали, поджав хвосты, не хотим ответственности, этих жертв. Но зачем тогда это чувство, чувство что должен.., что твоя жизнь обязана иметь вес, нам ее дали а мы в ужасе! В ужасе, оттого что можем натворить, ведь эта грань между неотвратимостью наказания смотреться – ведь ты сильнее. Что нас напугает теперь что остановит, скажи, – спросила она меня! – Мы сами, то….. – ХМХМХММХМХ, – рассмеялась она не дав мне продолжить, – ты все еще там думаешь по старому, я же… Не могу это объяснить…, нас ограничивали эти рамки, закона совести, страха, смущения! А теперь представь что их более нет, от них осталось лишь зудящее чувство, что можно игнорировать, вот каким мир станет!? – Ты это увидела, – спросил я у нее. Я же увидел иное, возможность, новый мир, поверь в мою фантазию, – закончил я и протянул к ней руку. Александра отвернула свою голову и устремила свой взгляд далеко в даль, по ее лицу было понятно, что она не здесь, что ее мысли далеко от этого места, но все же необычайно плотно связанны с ним. Казалось мысли отражаются у ее на лице, секунду оно безмятежно, в следующую полно ужаса и сожаления, в другую же наполнено эйфорией! И выйдя из этого состояния, она дала ответ, такой, что я бы не произнес, если бы на моем лице были написаны те же эмоции. Она произнесла довольно банальные фразы, но то как это сделала, как отчетливо слышался звук ее голоса, что говорил словно между строк, как необычайно трудно было ей сыграть, все это понимаю я лишь сейчас. Тогда же все звучало, так, словно я вернул сестру, долбанное тщеславие, неминуемый атрибут профессии!

– Надейся что она именно такая, и быть может твоей веры хватит на нас двоих!

А быть может вот именно это было реальностью, а то сном?!

Мы вернулись домой отец ходил по пустынным комнатам дома, он не прибирался он просто смотрел на стены на мебель на фото, на все это, на тысячи деталей, что делало эту бетонную коробку нечто иным, нежели просто стенами. Мы вошли внутрь дома, он был в зале около дивана. Там на полу под грудой стекла, в расколотой рамке лежала фотография, да же не так две! Одна под другой. Отец поднял их, мы стояли сзади он слышал наши шаги и начал разговор первым. – У меня была сестра, жена, друг, и всех их я потерял и едва помню! Но помню что их отняли из-за того кто мы, что мы, – он повернулся к нам и продолжил, – на что можем быть способны. Вы хотите спросить, зачем я это делаю, зачем делаю это с вами – для вас, что бы у вас никого не отняли. – Что тебе нужно от нас, – спросила Саша. – Хм, что бы вы жили, но вы не поверите, но это неважно, идите, ищите ту правду, я подожду, – ответил тот.

Она восприняла эти слова как призывом к действиям. Сестра поднялась наверх, взяла пару веще и переоделась, в то время как я остался внизу вместе с ним. Отец, прибирал, хотя нет скорее делал вид, наверно так он мог находиться там и не говорить с нами, но в то же время быть рядом. Александра переоделась, спустилась вниз, но следуя к выходу, остановилась напротив отца, ее голова повернулась, в одном из многочисленных осколков стекла я увидел ее глаза как она смотрела на него. Так словно хотела что-то сказать, но не могла из-за меня или же… Но я видел в отражении очей отца что он знал о чем та хотела поведать, лишь только я был в неведении? И этот пронзительный взгляд сестры обжег его, и он отвернулся, я впервые удил как он прогнулся, как он отступил, впервые, что же это был за секрет? Она подошла

ко мне на ее плече была сумка, – нам пора, – произнесла она и последний раз кинула взор на разрушения, принесенные ей, и на единственного человека, что остался здесь.

А дальше, все словно наконец ускорилось неумолимо приближая нас к финалу, от этого лень описывать беграуд, персонажей и мотивы, прописывать плавные переходы все это! Хватит, хватит пора остановиться, но почему-то сказав это я не остановился?

Он был там, где и сказал, не соврал не съюлил, не обманул. Хотя на это намекал и говорил нам отец. Мы зашли в бар он был пуст, не единого посетителя, хотя уже было в районе 4-х часов дня. Он вышел из одной из двери, пройдя несколько шагов, оказался за стойкой бара. На нем был плащ, узрев нас он его снял и повесил на вешалку, поначалу я не понял, зачем был проделан это трюк, но все стало понятно, когда он сделает следующее. Мы вытащили пистолеты, что скрывались под нашими куртками и направили дула, на него произнеся, – мы знаем кто ты! Тот не сколько не испугался а слегка улыбнулся и, покрутив пальцем произнес, – я в этом сомневаюсь, вы не верите не мне, не вещему отцу, да и не знаете ничего. Ну что ж тогда я вам это покажу, – произнес тот и приблизился ко мне. – Стой я выстрелю, выкрикнула она, пытаясь остановить его. Это произвело должный эффект как я думал и он остановился в шаге от нас. – Нет позволь я сам, – промолвил тот и руками схватил оружие сестры и, приставив пистолет к своему телу три раза спустил крючок. Прозвучали выстрелы, пули вонзились в его тело, но его лицо не на йоту не поменялось. – Удивляет, да, – спросил он меня. – Что, – удивленно произнесла я, опуская пистолет. – И дабы больше не было сомнений, – произнес тот и окончательно, разредил магазин в себя. Теперь вы готовы говорить!

– Хоти знать, кто вы и что с вами происходит, – начал тот, что был в морге, отойдя к бару и взяв из него бутылку. Вы сказки, мифы, часть фольклора множества народов и наций, я знаю, как это звучит но…, – затих он на полуслове, достав стаканы со стойки. Вы думаете что сказки, это просто выдумка, и не чего больше, что это аллегория, литературное преувеличение и все, нет, это не так! Там есть ложь, но совершенно иного толка, чем вам кажется, – наполнив стаканы, закончил он. – И какого, – произнес я, приблизившись к стойке. – Зло, не столь очевидно, она знает, о чем я, так ведь, – указав на Сашу, отхлебнул тот из фужера. – В смысле, – обернувшись, поинтересовался я. – Если взглянуть на сказки, с точки зрения повествования и логики, и взять первоисточник, – встряла сестра приблизившись к стойке. – То все приобретет иной смысл, так ведь, – выйдя из-за стола, внемлил тот ей. – Что, – удивленно произнес я. – Герои и есть те самые злодеи, а не наоборот, – ответила она, взяв наполненный стакан со стойки.

Да именно так, – подтвердил человек из морга и продолжил, – кощей, баба яга, лещий, ведьмаки и прочие, все это реально существующие люди. А то, что происходить сейчас ни что иное, как пресечение наших историй, новое начало, конец или еще что-то. И понимая твой скепсис, я сразу скажу, что ты один из них! И охраняли они не какие-то абстрактные сокровища, а совершенно определенные вещи, столь причудливые, что и представить сложно. – Опустим первое и сразу перейдем ко второму, что это такое, – поинтересовался наконец я. – Что может быть ценнее самого чистого металла, и драгоценнее алмаза? – Что же, – переспросил я. – Знания, – ответила за меня Саша. – Да, это самый ценный из товаров, что есть и был, две мировые войны завязались за обладанием этими знаниями, и сейчас мы на пороге третье, – произнес он, отхлебнув из фужера. – Так отдайте их, – произнес я. – ХМХМХМХМХМХМХХ, мир не готов к этому, к тому. Вы бы отдали Гитлеру, ключи от знаний, думаю излишне даже спрашивать. Но вы так не думаете и поэтому ведете охоту за ними, но ваше цель лишь обладание ими не более. – А мы же хотим совершенно иного, – произнес он. – Чего же, – прокричал я. Что бы человечество увидело все это и было готово, мы устали охранять их, очень устали!

– И что вы охраняете, спросила Александра, – опустошив стакан. Тот улыбнулся и вернувшись в бар достал из него бутылку водрузил на стол и обновив ее стакан начал.

– Если провести аналогию. Есть магазин сладостей, он полон конфетами, разными, всевозможными, буквально невообразимыми. И есть некий сластёна он очень хочет одну конфету, определенную и только одну. Но проникнуть в этот магазин, во время того, когда там не будет охраны, работников никого, и когда тебе дозволено все без последствий, думаешь, он ограничиться только одной конфетой?

А теперь представьте знания способные создать целые миры, и здесь я не приуменьшаю. Думаете, планеты, создаться из облаков газа и звездной пыли под воздействием гравитации и прочих сил, да это так, но не все так созданы. Те, кто сами дошли до знаний, до этих знаний стали мини богами, создали жизнь. Но были и те, кто украли эти сведенья и самое безобидное, что они создали это юродивые жизни, уничтожили других, или у них ничего не получилось. Но были и те, что создали нечто иное. – И что же это, – спросил врач. – Черные дыры, те бреши самой ткани материи, и это самое безобидное, вот от чего мы охраняем, – ответил тот. Но интересно не это, а то почему вы здесь, и как именно вас привела сюда. – Что, спросил я недоумевающе, но в то же время такого выражения не было на лице сетры.

– Он не знает, – посмотрел тот на сестру, хм, – а ты в курсе, так, – произнес тот тыча своим стаканом. – Я ему говорила но он не услышал, поэтому мы здесь, – произнесла та. – Вы, ххихмхмхмхм, – рассмеялся я, – вы. Тот сделал пару шагов ко мне говоря.

– Думаешь, случайность, что она умерла именно в этот день, случайность, что Саша попала именно в твою больницу, совпадение, что прибыл ваш отец, это все звенья одной цепи, – смотря только на меня, вещал тот. Он захотел сыграть в бога, и все из-за… Из-за чего, – спросила Саша холодным голосом будто знала. – Не из-за чего, из-за кого, – уточнил тот, не отведя взгляд от меня не на йоту мгновения. – Иии… – Из-за, него, – указав пальцем на Лазарева ответил человек из морга. – Что из-за меня, – удивленно, с ехидной улыбкой на лице произнес я. – Да именно, он захотел изменить мир, что бы оставить твой разум тебе, что бы ты не сошел с ума. – И что в этом, что в этом плохого, – повысив голос, продолжил я. – То, что в кондитерской слишком много сладостей, и ты точно не возьмёшь одно, зная, что можно попробовать все без последствий, так, – посмотрев на меня, произнесла Александра. – Хм, ты на его стороне, так ведь, – произнёс я, ты знаешь его сколько, предашь меня и отца. – Вы причинили мне боли больше чем кто-либо, а теперь можете разорвать мир в клочья, и все из-за вашего эгоизма, вы не слушаете, – выкрикнула она. – Что ты говоришь, – прокричал я. Она подскочила ко мне и произнесла, – вот опять, я не на его стороне не твоей, я хочу понять… Я посмотрел в ее глаза и ответил, – я уже все понял, с меня хватит, – я покачал головой посмотрел по сторонам и снова произнес, – хватит. Вы хотите наши жизни, что бы мы стали солдатами в вашей войне, идите вы все нахер! Есть пару вопросов, на которые я хочу знать ответ, и я знаю, где их получить, но точно не хочу в вашу секту. – Лазарев, – произнесла сестра. – Нет, хочешь снова бегать по этому кругу и винить в своих бедах всех, но нет, ты принимаешь решения. И кого после этого будешь винить, а, – спросил я. Это было необычайно жестоко, но иного варианта не было. Я развернулся и пошёл к выходу, – Лазарев, – выкрикнула она, – хватит, прокричал я в ответ и отворив дверь тихо еще раз произнес, хватит!

Было лишь одно место, где я мог получить ответы, вернее они ждали меня там, но на месте где я оставил свои источник было лишь карточка с надписью world of lies.

Я буквально вылетел от туда, переполненный ярость и отвращение к «новому» миру, эти эмоции на ложились на прежний и в итоге коктейль. Я шел, шел пока, и незаметно для самого себя прошагал пару кварталов и стоило мне осознать этот свершившийся факт и поднять глаза. – Хм, вот оно что, – вымолвил я, увидев пред собой вход в кафе с названием world of lies. Оно было небольшим, но и не малым по размером, интерьер представлял собой эдакий английский паб, оголенной проводкой на стенах, и яркой кирпичной кладкой столетней давности, которая была, кажется всех оттенков оранжевого, что можно вообразить. Да именно так перечисление всех названий только этого цвета заняло добротных пол-листа рукописного

текста. На дворе было порядка двух часов нового дня, так что паб был полупуст, я прошел внутрь и сел за барной стойкой. Бармен стоял ко мне спиной но, его силуэт показался мне знаком. Он обернулся в его руках был стакан, который он натирал белой тряпкой, если бы не этот клочке ткани я бы и не увидел этой емкости, настолько она была прозрачной, в этом была его заслуга. Повернувшись, он водрузил его на стол и произнес, – предложить вам что-то, или же вы здесь по иной причине? – Пожалуй, виски, не разбавленный с тремя кусочками льда, – ответил я, ему пытаясь понят, откуда мне знаком этот человек, и знаком ли вовсе. – Хороший выбор, а разрешите полюбопытствовать какова причина, или же ее нет, – откупорив бутылку и наливая в стакан, продолжил тот. – Мир манятся, а не хочу жить, нет скорее привык жить в старом, и не хочую меняться, ответил я. – Хм, – улыбнулся он и, кидая кубики в стакан продолжил, – нет, это ошибочное суждение мир это константа, изменяются лишь мы, наше восприятие, и другие вещи. Он закончил и продвинул стакан ко мне я сделал пару глотков и произнес, – я пытаюсь понять мы с вами встречались или нет, и потом это не так мир манятся! – Да, но это не мир заставил вас прейти именно сюда, это не мир говорит со мной, это вы сами. Он подвинулся, чутка вперед и продолжил, – Лазарев, ты хочешь повесить все, что с тобой происходит на несправедливость вселенной, так? Быть личностью, отличной от толпы, значит задавать вопросы, ответа на которых нет, но ты не перестаешь их задавать! Быть другим это и бремя и дар, эта одна монета, но тебе решать какой стороной она повернута к крышке стола, а какой к зрителям! – Я знаю тебя кто ты такой, – отстранив напиток, промолвил я. Тот улыбнулся и спросил, – где ты? Я, и тут я понял, – я в world of lies. – ici vous et là, – промолвил он.

– Yes, и ты хочешь остаться собой и при этом откусить часть торта, – продолжил тот, взяв второй стакан и начиная его так же натирать, как и прежний. – Предыдущие ораторы меня не убедили, а ты сможешь, – опустошив стакана, произнес я. Тот водрузил стакан на стол, взял бутылку, кинул в опустевший еще три кусочка льда и, наполнив его до краёв начал. – Лазарев как ты думаешь, выглядел бы наш разговор на страницах книги, и твоя жизнь. Она бы была как обилие произведений, множества слов, но развития и действия никакого. Тебе предложили наполнить эти слова хоть каким-то подобием сюжета, и ты сетуешь на то, что не хочешь? Я прочитал много книг, еще больше бросил где-то на половине, а все, потому что на протяжении сотен страниц ничего не происходило, а душевные терзание главного героя по поводу его тягостей жизни были, как и твои, сильно натянутые. – Натянутые, – раздосадовано ответил я ему. – Да именно, – снова взяв стакан в руки и продолжая его тереть, продолжал тот. Ты пытаешься строить из себя лирического героя, но вот тебя дали шанс и… You are afraid to find out the truth about the mother and father about the set about all. – Снова перешёл тот на другой язык. -And all from the fact that you really are a lyrical hero.

– Я об этот не просил, – произнес я. – Ни кто не просит, если бы мы знали о последствиях наших решений, то мы бы их не принимали. Человека определяет, не то падает ли он от удара, а то встает ли он и дерется или же просто бежит. – Значит по твоему моя жизнь, это сплошной длинный монолог, лишенной всякого смысла, – отпив глоток из стакана произнес я. Тот поставил стакан, натертый до состояния невидимости, и только стекло коснулось стола как я тут же потерял его из виду, и, взяв другой он ответил, – знаешь, есть произведение целая книга, известного автора, в ней герой гонится за человеком в черном, по сути целых триста страниц бредет по пустыне и все. Зачем и почему, читателю так и не говорят. Но настигнув, наконец, его они просто говорят, и человек в черном просто умирает сам. Твоя жизнь сейчас примерта такая, лишённая мотивации, но с потенциалом. – Что, – уставившись на него, произнес я и было хотел продолжить, но тот не закончил. – Но вот что интересно, за этой книгой последовало еще шесть и в них все стало понятно, оказалось, что незавершённое произведение, а история, растянутая на десятилетия. В дальнейшем все стало понятно мотивы, цель, подоплека, но если бы я остановился на первой, то я бы ничего из этого не узнал! la vie est action, peur des nouveaux moyens d’arrêter de vivre.

– Я не боюсь, – ответил я, поняв то, что произнес тот. – Да тогда почему ты в «Мире Лжи»? – Потому что это твой бар, – ответил я. Трим, улыбнулся и, пододвинувшись ко мне, промолвил, – I'm not talking about the name of the bar! – Там две стороны и какую я должен принять, на какую встать? – Это уже решать тебе, твоя же история, – вернувшись обратно ответил он. Я погрузился в раздумья, внутренний голос напомнил о себя, взвешивая все и обдумывая по нескольку раз каждый из вариантов, возможностей. Эти мысли могли бы вылиться на десятки станиц текста, это образ был навеян Тримом, но во всех этих раздумьях я упирался в одну и ту же стену, я не мог выбрать сторону, и все от того что принадлежал к одной, а жил по принципам иной, но только вмести они составляли меня. Так что я непрошено, к какому из выводов, хотя нет к одно решения принял! – Я наполню книгу смыслом, – произнес я обратившись к бармену. Тот стоял ко мне спиной и, повернувшись, произнес, – что простите? Это был уже не Трим, а кто-то иной. Я улыбнулся и произнес, – да ничего, – мой взор упал ниже на стол и я увидел плоды стараний Тримма. Пирамиды из стаканов стояла чуть левее меня, она была прямо под потолок, и все это время я ее не видел, как и ту часть мира. – Вот о чем ты, меняется лишь наш взгляд, – я оставил деньги за напиток и проследовал к выходу. На секунду я задержался в дверях, обернулся, что бы убедится в том, что пирамида не плод моего воображения. Поразительно с входа ее было отчетливо видно, лучи света от лампы, что висела над баром освещало ее, но стоило отойти на шаг и она тут же скрывалась, прямо на виду.

Выйдя из бара, моя рука нырнула в карман, достав из него, телефон… Бездушная вещь, вот только смотря на нее, я осознал, что этот прямоугольник, словно Крестраж, в нем часть нашей души. Экран засветился… И я нажал на контакт. Гудок, затем еще, еще и еще, и вот, – да. – Да, я слушаю, – произнес снова голос на том конце провода. – Я иду, не знаю, остановить его, помочь, или еще, что-то, – произнес я. – Лазарев, давай встретимся и все обговорим, ты не знаешь слишком много, – ответила она. – О, сестренка, не важно, что я сделаю, важно то, что к чему все в итоге приведет…, – ответил я. – Лазарев, Лазарев, – прокричал она, а я отстранил телефон от уха, посмотрев на экран вызова а мгновения спустя, его закрыл. Затем, контакт – Отец, набор. – Я иду за тобой, – произнес я. – Мне, открыть двери, или же нагнать охрану, вернее армию, – ответил он. – Решать тебе, но я знаю правду, или часть, или хоть что-то отдаленно приближенное к ней, – произнес я. – И как поступишь, – задал вопрос тот. Тут завелась вторая линия звонила Сестра, я отвел телефон от лица и сжал его с такой силой, что тот треснул и потух, тем самых прервав связь сразу с двумя абонентами.

Кисть руки расслабилась, и осколки, в которых некогда была моя «сущность», устремились на землю. В доли секунды превратившись из «средства» в бесполезный мусор. – Аллегорично, – смотря на «мертвое тело технологий», начал я, – как поступлю…

Как сделать плавный переход? Как не разглагольствую о высоком, или о низменном прейти к самому главному к тому, что ты хочешь сказать, без всей этой шелухи? Ведь обернув в нее наши жизнь, произведение станет объемнее, но пересказ все так же останется длинною в предложение. Так как мне сделать этот переход? Как сделать вас причастными и вовлечёнными в мою историю, со всеми этими долгими пространными монологами в начале середине и конце, в которых описывается какой я. Или же просто сказать, без прикрас и позиций что поступил я так исключительно по тому, что я такой и можете меня осуждать, но признаться честно, вы поступили именно так! Ну ладно я думаю «переход» завершён, хоть и он должен быть в ином месте, но так же интереснее теперь вы знаете, что поступлю я скверно! И начнете искать оправдания в мои дальнейших действиях, ну что ж тогда удачи вам!

Огромное здание. Изваяние из куска стали, бетона, стекла, проводов, пластика… Как много «химии» в этом изваяния сколько крови, сил положены в его фундамент, а после и сам обелиск, что простерся к небу! Огромная лестница словно постамент, перед памятником, таким, что ставят, который есть в каждом городе. Памятнику победы, без кавычек именно – ПОБЕДЫ. Где каждая буква заглавная и при этом, я готов кричать, что именно так правильно!

Таков был постамент. А после обелиск в небо, из стекла, днем даже казалось что здания попросту нет, так играли лучи света. Вот только сделав шаг, изменив угол, всего на секунду угла, и вот оно. Напоминание, осознанье или попросту реальность?! И вот я стою у него, не в силах двинуться вперед… – Нет ничего более страшного как ждать рассвет и в самую последнюю секунду зажмурить глаза, и пропустить этот момент, – прервал тишину голос. – Толики секунды, что прогонят тьму и зажгут свет над миром, – посмотрев на меня, закончил этот человек.

– Ты же мертв, – посмотрев на него, произнес я. – Это долгая история, твоя же там, за теми дверьми, или ты хочешь зажмуриться?! Но тогда ответы пройдут мимо тебя, вот только вопросы останутся… Я моргнул и тот исчез, а был ли он, был ли Костя, или все это лишь… Одно точно я сделал шаг и начался подъем по ступеням. Что было дальше… Вернее хочется сказать, что было в «конце», вернее его я не настиг!

Я не буду описывать антураж, детали. Какого цвета стены, двери, где расставлены столы, стулья, розетки, а где дремлют пальмы и цветы в горшках. Потому как вся линия жизнь выпрямилась в тот момент настолько, что был виден ее край. От этого действо перестало играть красками, оно свелось к поступкам, которые неминуемо подведут к этому обрыву. Поэтому нужно было подобрать слова; направить все свое естество; принимать решения быстры оперировав всем, сведя месяцы в секунду! Так что все эти детали можно очертить линиями контура, так оно и рисовалось. Да же больше именно так я и видел.

Двери здания, что передо мной, были обозначены линиями, на белом листе бумаги. А с сади все пиршество красок. Холл, то же линии стола, лифта, ковра, лестницы, кнопок, дивана, и не единого цвета более. За столом не было никого, хотя должно было быть. У лифта нажал на кнопку и вот новый цвет красный, означающий что лифт не работает. Ну и лучше, я не знал где и куда идти, а так пройду по каждому этажу. 1. 2. 3. 4. 5. 6. Затем еще и еще, я уже сбился, вернее перестал считать.

И вот идя по очередной, какой уже по счету? Заходя на каждый этаж ведь не знал на какой произойдет действо. И вот зайдя, я просто не могу не повторить, на очередной увидел картину, «цвет» что видел только у входа. Пол. На этажах была плитка, на каждом из них – была плитка, не важно какого цвета. Этажи были разбиты на комнаты, но контур этой плитки заходил в каждую, пол был един. Представьте сколько это метров такого огромного здания, не сто, а тысяча, и не одна, всего на одном этаже. И вот зайдя на один из этажей, вернее с лестницы, с последних двух ступенях что… С последних двух уже капал кровь. А открыв дверь на этаж, я увидел пол, на котором не было видно плитки, идеально гладкая поверхность, ярко алого цвета. Не было ни единого пятна, только красный цвет. Ни единого шва плитки, словно весь пол – из ярко алого мрамора. И тела людей. Вот что было. Все белое, кроме крови, тел, оружия, а все остальное, словно рисунок карандашом на бумаге!

Где, есть только контур, а здесь на этом этаже. Были не только границы, была эта кровь, и черная дверь в отдалении, у которой. Что за дверь, я ее узнал, понял на каком именно этаже я… Кабинет. Хм, хм, даже кровь не осмелилась хоть едва заступить за порог. Жидкость остановилась в сантиметре от двери, очертив ровную прямую. Отворив дверь я не увидел отца, ни единой капли крови, отпечатка ботинка. Но мои то в крови и сделав шаг, я словно сотру эту «линию», что остановилась?! И так оно и вышло сделав шаг это грань, вернее так, линия осталась, а то место где была моя нога прежде. На нем стала едва просвечиваться плитка, а то место, куда я водрузил свою поступь, округлилось, ярка алой «краской». А затем краски вернулись, но только именно в этот кабинет, за порогом все так же был набросок карандашом.

На столе было множество бумаг, их было столько, но отчего-то я взял вот этот листок с наброском, написанном от руки. Фразы вырванной из контекста но отчего-то именно за эти строки зацепился мой глаз.

Отдаваясь на волю случая, на откуп случайности, вопрос да или нет. Неважно как: бросая монету, вытягай жребий, или создавая иллюзию выбора ситуации. Мы выстраиваем мир, мир, где мы поступили диаметрально, да же если не в реальности, но в голове точно…

А затем я увидел конверт с моим именем. « Сыну».

Я бежал по лестнице все четче и четче слыша их слова. *Я убил двадцать человек, что бы добраться до тебя, что бы ты не погубил миллионы…. – Нет, сейчас ты не помнишь, но я помню, вспомнил там, я хочу спасти вас, вас глупцов, сейчас именно ты зло, так что не стой у меня на пути! – Не надо, остановись или… – Или, – ответил один. – Я уничтожу вас всех, хватит доброты, – произнес второй. – Звучит, угрожающи, но ты не сможешь, – ответил Король! – Благодаря тебе смогу.*

Я ворвался, выбив дверь на этаж вскинул пистолет и выстрелил.

Я должен рассказать что дальше. Кто пал, но не могу. Потому как направил после дула пистолета на человека, а тот на меня! И не знаю… А в голове звучат слова отца, а следом стихи, что навоял и я.

– Если мне приодеться выбирать из двух зол: я не выберу не одно! Вот почему мы так цепляемся за жизнь, за время?! За минуты, что они были с нами, мы цепляемся за людей не хотим с ними расставаться, нам ненавистна сама мысль их потери. Ведь стоит их вырвать и у нас не останется ничего, одно лишь время…

Вцепившись в жизнь, во время – зубами.
Оставив минуты – те, что те были с нами,
Минуты и годы, быть может – мгновенье.
Секунду, еще бы секунду!

Как таяло время, сколь много «проблем»?
Так мало секунды, и что же поведать…
Как цепко вцепились – «проблемы»!?
Но только секунда, его лишь она!
Еще бы секунду, еще бы секунду…

История вторая Сестра

– Это когда ты не уверена…
– Это если сомнения все еще остались у тебя…
– И эта что бы после всего ты помнила кто ты…

Все аспекты асоциального поведения можно свести к определенным группам, разделить на категории, и дать им характеристики. Привязать каждый из многочисленных признаков к определенной травме, шраму, полученных в детстве, к тем, что нанесли нам самые близкие или же мы сами. На бумаге все это так просто и правильно, но стоит свести этот рисунок с кальки на реальный мир как, становиться очевидно что мы поступаем так, не из-за шрамов а из-за того что не хотим получать новые. Удивительно не находите, такого вам не скажут на дорогих сеансах у психотерапевта, иначе они попросту будут не нужны. Целая индустрия престанет работать, а миллионы людей обманывать себя и других, это ведь непостижимо в эпоху развитого капитализма. Не возможно свести обычную банальную проблему, к очевидному ответу, который вы сами знаете, нужно ее раздуть да невероятных объёмов, что бы получит клиента, зависимого от банальностей которые он и сам знает, но не может произнести их самому себя глядя в отражение. Иначе он станет сумасшедшим? А мы так боимся, что на нас приклеят ярлык, который не приемлет общество, так обманываемся!

Но вот что поразительно, зная и понимая, все это мы все равно, идем на этот самообман. Почему? Просто человек сидящий на против вас в кресле не будет осуждать, он не отвернуться от вас если вы скажите ему правду, да скажем откровенно вам абсолютно плевать что он вам скажет и осудит он вас или нет. Вам важно лишь, что вы высказались, только это имеет вес, все остальное не имеет значения. По тому, единственное, что действительно имеет значения для всех нас так это то, как мы видим друг друга, и по этой банальной причине мы боимся по-настоящему лишь одного…

Мы боимся что нам причинят боль, а некоторые настолько бояться ее что готовы на все чтобы не почувствовать ее снова, и не со зла причиняют ее другим, лишь потому что не в силах выдержит еще хоть каплю своей. А когда, этот последний кусочек воды переполняет их резервуар, они вспольыхают словно спичка, и вот уже их нет! Но до этой точки невозврата они всеми силами кричали, о помощи но, всем было просто не до них… Так что я оказалась именно там.

Хотя неверно говорить, что во всем, что случилось со мной виновны, люди, что меня окружали, а не я сама! По большей части это все моя вина, но почему? Почему они не отогнали меня от края может им было просто на меня плевать? Почему за сотни звонков, что я посылала им они не ответили не на один, и было нужно лишь сказать пару слов и тогда… И что самое ужасное я почувствовала себя нужной лишь переступив грань, но я не хотела ее переступать. Но волей судеб вернувшись обратно, я, наконец, стала именно тем словом, что буквально заменило мне мое имя. Я стала бедой, и моя смерть, даже ее в последствии отобрали у меня, посчитав это не моим поступком, или стечение обстоятельств, а очередным хитрым замыслом человека, что именовался мне отцом, но вел себя совершенно не так! Но перед тем как я очнулась, в комнате с кучей тел, была другая жизнь.

Наверно не самая плохая, но кусочка в ней недоставало, я это чувствовала, но не могла даже представить чем это оказалось в итоге. Точкой отсчета наверно можно назвать мой день рождения, с которым помимо телефонных эсемэсок от всевозможных банков и оператора мобильный связи меня поздравил старый друг, от которого я этого никак не ожидала. Это был вечер среды. Такое знаменательное событие, что я даже захотела его отпраздновать и для этой цели отправилась в место столь мне не свойственно, что на секунду даже показалось, что эта мысль и вовсе была не моей. Место это именовалось – клубом, но не таким как все

привыкли его видеть и такое что всплывает в вашем воображении – нет, это было помещение немного иного толка, так сказать сделанное для людей любящих смотреть на рыб, как они плавают в аквариуме. Сложное сравнение, но все же более близкое его описание, а если более подробно то.

Данное заведение было, сделано по всем канонам: имелся танцпол, с обилием людей на нем предающихся разврату, на нем же имелся местный бар, с барменом что бодяжил напитки по баснословной цене, – вроде ни чего нет примечательного пока в этом помещении – да? Но помимо танцпола была и зона для нормальных людей, с барной стойкой, столами, высокими стульями, и настоящим барменом. Эта часть помещения была отделена от обители разврата, но не стеной или стеклом, а более хитрым образом. Помещение было спроектировано так что оглушающий звук, оставался там на танцполе, вместе с миганием стробоскопа, а в этой зоне было относительно тихо и спокойно, здесь сидели люди которых, либо затащили сюда вторые половинки, а им же было чуждо все это, или же люди что просто наблюдали за тем как эти маленькие рыбки плавают в своем аквариуме. Да сидя здесь можно было наблюдать воочию за «падением Рима», но сегодня это действие меня не забавляло. Я тихо пила свой напиток в ожидании того что вот телефон зазвонить, и хоть кто-то скажет, да боли банальные слова, выражения, но столь необходимы мне сейчас. Но жидкость в емкости становилась все меньше и меньше, стрелка на часах уже зашла на второй круг, а телефон так и не издал ни единого звука.

Я протянула руку и взяла его со стойки, и посмотрев на загоревшийся экран направила его в карман и тут, – тут свободно, – обратился ко мне мужской голос. Я не видела его лица, но голос показался мне знаком, та что я произнесла, – хотите, садитесь но я, не лучший собеседник сегодня, – поместив телефон в карман джинс ответила я. – Ну я рискну, тем более сегодня твой день, – сев около меня и повернувшись ко мне, промолвил тот, посмотрев на меня. – Знаете…, – начала я но, подняв голову и увидев его лицо, замолкла и улыбнулась тот улыбнулся в ответ. – Костя, – произнесла я. – А что ты тут делаешь, – удивилась я вслед за этим. – Как что, не мог же я забыть о дне рождении, своей лучшей подруги, ты же стала на год старше, но каким-то волшебным образом не изменилась, – произнес тот и, подавшись не много впредь ко мне, продолжил, – ты случаем не ведьма? Мое лицо снова озарила улыбка, и я ответила, – вроде нет. – Точно, а то меня терзают смутные сомнения, – снова ехидно промолвил он. – Да нет же, – ели, не рассмеявшись, ответила я ему.

– Ну, тогда, пора отмечать и дарить подарки, – повернувшись к бару, произнес тот. Бармен нам бутылку текилы, для начала закуску и крендельков, что-то мне жутко захотелось крендельков. – ААА, – перебила я его настрой. Костя повернулся ко мне и произнес, – ты же не думала, что я позволю тебя пить эту хрень, – ответил тот, указывая на мой коктель. – Ну ладно, – посмотрев на стакан, ответила я. Бармен откупорил бутылку и, наполнив два шота отошёл от нас. Костя взял один в руку, я протянула свою ко второму и тут по столу проскользнула монетка, аккуратно стукнувшись о стакан и остановилась около него. На той стороне, что была обращена ко мне было написано «Пей», я взяла монетку и, повертев ее, увидела второю надпись на реверсе «Не пей». И тут Костя произнес, – а вот и первый дар мне тебе это когда ты не уверена как поступить в любой из ситуаций! – Пить, – переспросила, повернусь к нему я. – Ну это то же иносказательно, – улыбнувшись, произнес тот. Я взяла шот и стукнувшись с ним произнесла, – разве, – опрокинула его. – Давай второй, – поморщившись, произнесла я и взяла бутылку став наполнять сначала его шот, но только я переместила горлышко к другому фужеру как. Вторая монетка отпружинила от стойки и оказалась прямиком в моем стакане. Я поставила текилу на стол и повернула к Косте лицом, – и сколько еще их у тебя? – Достаточно, что бы ты запомнила и осталась …, – прервался он будто на полуслове. – О чем ты, – спросила я его. Тот взял бутылку с напитком перевернул мой стакан, тем самым извлекая из него монетку с надписями «Пить» И «Точно пить», и наполнив шот произнес. – Ты

знаешь, о чем я… но помни другое это если сомнения все еще остались у тебя, указав пальцем на монету промолвил тот. – Я не понимаю, – произнесла я. – Разве, – посмотрев на меня, поинтересовался Костя. – Да, – утвердительно ответила я. – Где мы, по-твоему, и вернее где я, – продолжил тот, наполнив свой бокал. – Мы, в баре это мой день рождения, – ответила я. – Да, верно, но вопрос в другой, сколько тебе, – промолвил тот и, пододвинув следующую монету прикрытую своим пальцем добавил, – и от этого ты знаешь что там! Я посмотрела ему в глаза, а после мои взор был направлен на монету пока скрытую для меня и тут я невольно промолвила, – И эта что бы после всего ты помнила кто ты… Он убрал руку и явил ее, надпись «Александра». – Так сколько тебе, – произнес тот. – Двадцать два, – ответила я. – Так ли, – переспросил тот. – Нет, – покачивая головой и готовая расплакаться, промолвила я, – нет! Я опустила голову посмотрела на свои руки, они изменились на них появилось два шрама и кольцо, я снова взглянула на Костю, а тот произнес, – сколько тебе? – Нет, нет, – не надо, – произнесла я. – Сколько, – тихим голосом произнес тот. Слеза скатилась по моей щеке, и я произнесла, – двадцать четыре. И стоило этим словам слететь с моих уст как мой собеседник растворился, я посмотрела на пустое место и произнесла, – и ты мертв!

И вот я все том же баре передо мной телефон, который все так же не звонит, только сейчас я знаю, что он больше не придет. Я подняла телефон набрала на один из контактов и начала записывать сообщение, только это мне осталось, ведь мои собеседники не хотели меня слушать.

Когда ты это услышишь тебе станет мучительно мерзко от того что, ты не сделал простую вещь. Но по другому до вас достучаться невозможно, вы хотя бы помните какой сегодня день? И когда ты посмотришь на календарь, на все те пропущенные звонки. Может, наконец, поймешь…

– Вам оставили, – прервал мою запись бармен протянув конверт. – От кого, – поинтересовалась я у него. – Не знаю, но оно здесь уже как третий год с подробными указаниями, так что вот, – ответил тот и удалился дальше по своим делам. Я развернула конверт, там внутри был листок с надписью – «Семья не только кровь». Я свернула бумажку и положила обратно взяла стакан с бренди и тремя с кусками льда внутри и повернулась на стуле в сторону танцпола. Но тот повернулся лишь на девяносто градусов и остановился, и на соседнем стуле снова возник образ Кости, который рукой остановил мое дальнейшие движение. – Помни, кто ты, – произнес тот. – Я помню, но тебя здесь нет, так что…, – ответила я и силой продолжала движение, но… Стоило мне повернуться как иллюзия встала и преградила мне обзор, – ты в этом уверена? Я подняла свои глаза и посмотрела не него, его образ стал размываться, а после и все вокруг, будто меня кто-то накачал. – Кто ты, – произнесла я. – Я друг, вопрос в ином кто ты, – ответил тот. Я словно провалилась в бездну и почувствовала, как мое тело рухнуло на пол. Я не могла пошевелиться и все дальше и дальше уносилась прочь от реальности, но все же что-то из реального мира ощущала. Я ощущала, как таинственный незнакомец склонился надо мной и что-то говорил, я не упомню все, но обрывки его речи все же донеслись до меня.

– … Ложь… думаешь ты такая одна… Все…. Далекое прошлое… Брат не совсем… он не мертв… Ответы! Мои веки стали тяжелеть, а после тьма. Дальше все словно в бреду, вижу лампы ослепляющего света, они мелькают, словно меня везут на какой-то каталки. Вижу лицо своего брата, хотя откуда он здесь, и где я а потом удар током, еще один. А после я очутилась здесь!

Здесь, это место у каждого наверно свое, но мое было абсолютно пустым, это был хромокей, абсолютно черный фон и я в его эпицентре. В этой кажущейся пустоте, в которой нет ничего кроме меня, ни звука, ни мельчайшего порыва ветра, что напомнит о том, что ты еще жив. И вот, кажется, невидимые стены начинают сжиматься, словно шар к центру, а в этой самой точке располагаюсь я, еще мгновения и меня не станет, но вдруг эту пустоту разрезал голос. Он произнес отрывки фраз, -… когда ты не уверена… – … сомнения все еще остались

у тебя… – кто ты…, а после и сам возник будто неоткуда. – Я …, – нет, – покачав головой, произнес Костя. – Тогда…, – нет, где мы, по-твоему, – снова прервал он меня. – У меня в голове, – произнеся я. – Не совсем, – ответил тот и тут с потолка посыпались монеты. – Что это, – произнесла я, протягивая руку и в нее прилетело три монеты, точь в точь такие, что когда-то подарил он и что я утратила в то же число, но иного года. – Помни, кто ты, найди ответы, – произнес тот и растворился. Я прокричала, – Нет. И тут разряд.

На кроткое мгновения я увидела, операционную и людей что копошились над моим телом, но я видела себя не со стороны, он был из моих глаз. Но это было лишь секунду, короткая вспышка и я снова очутилась в этой темной комнате, засыпанной монетами. – Эй, – прокричала я в темноту, и снова разряд. Опят яркий свет от лампы, что освещал мое тело, всплески на мониторе, отсчитывающее мое сердцебиение, и цифры. – Есть пульс, – произнес до боли знакомый голос, я уже видела картину со стороны могла, перемещается, и смотреть со всех немыслимых углов. – Давление, – спросил другой специалист. – Падает но …, – ответил третий. Я вот я переместилась к тому, чей голос знала. Я встала перед ним смотрела всего глаза, хоть и большая часть его лица закрывала маска, но по очам было понятно, что он очень переживает. – Ты, боишься, но ничего… я не умру здесь. И тут _____.

Все стихло стены, словно стали потихоньку разъезжаться и начался музыка – ***Sunburst – «Замок абсурда»***

В комнате с мягкими стенами
В одиночку сражаешься с демоном,
Угощаешь бездомного ангела
Лунным светом, легендой приправленным.

Они все еще продолжали бороться за мою жизнь пытались, кричали, хотя кричал только он, но я не слышала все заполнено лишь музыка и ….

В комнате с мягкими стенами
Революцией совесть беременна,

Комната стала разъезжаться, ее стены становились все дальше и дальше друг от друга. Я все еще по какой-то причине оставалась здесь, не проваливалась в ту черную пустоту что окутывала меня и не отпускала еще минуту назад!

Справедливость юродствует, молится —
То послушница, то раскольница.

И все остановилось все движения людей, капля пота, что сорвалась со лба одного из лекарей застыла в воздухе, картинка застыла и поменяла ракурс и пошла лишь дальше стоило прозвучать припеву.

Замок абсурда
С башнями и бойницами,
Замок абсурда —
Довелось в нём родиться.
Замок абсурда
С мотыльками и тараканами,
Окружённый и рвом, и капканами.
Опасность здесь чувствуешь кожей.

Осторожно!
Эй, осторожно!

Стоили ему закончить, как мой брат кинулся к шкафу достал из него иглы со шприцами и ввел мне адреналин и начал массаж сердца и все это действие происходило под аккомпанемент и следующие слова.

В комнате с мягкими стенами
Весь – движенье, опутанный нервами,
Укрощаешь драконов бунтующих
Древней сказкой о радостном будущем.

Но оно так и не завелось на мониторе все так же была лишь непрерывная горизонтальная полоса. Он отошел от меня и растерянно посмотрел на своих коллег, – Помогите, помогите! Едва сдерживая слезы, что проступали у него сквозь глаза. – Помогите! Но коллеги просто смотрели на него всем все было понятно, да же мне, но он не хотел и стоило песни продолжиться как он снова подошел к телу и стал бить в меня в грудь в надежде на то что…

В комнате с мягкими стенами
И последние были, и первые.
И трагедия нашего разума
Стала фарсом, с издевкой показанным!

Удар сердца, синусоида на экране.

Замок абсурда
С башнями и бойницами,
Замок абсурда —
Довелось в нём родиться.
Замок абсурда
С мотыльками и тараканами,
Окружённый и рвом, и капканами.
Опасность здесь чувствуешь кожей.
Осторожно!
Эй, осторожно!

И вот оно стало стучаться, но что-то было не так на него посмотрели коллеги и человека что спас жизнь пациента буквально под руки вывели из помещения, мой дух последовал за ним, так что я не видела дальнейшей манипуляции, но стоило начаться словам в песне.

Здесь свет давно не горел,
Давно не звучали песни,
Песок белый, как мел,
Стекает чернилами в бездну…

И по их тону, чувству внутри я поняла что меня убили. и вернув свой взор обратно в операционную первое что я увидела это был монитор на котором были не всплески а лишь непрерывная полоса. меня кто-то убил, кому-то это было нужно! И увидев это я прокри-

чало и словно достучалась до него. Он остановился в коридоре и развернулся, пошел обратно и словно внемля словам в песни делал следующее.

Сюда иступлено стучат,
Колотят ногами в двери,
Но стены глухо молчат,
Сами себе не веря…

Врачи переглянулись и тут.

Замок абсурда
С башнями и бойницами,
Замок абсурда —
Довелось в нём родиться.
Замок абсурда
С мотыльками и тараканами,
Окружённый и рвом, и капканами.
Опасность здесь чувствуешь кожей.
Осторожно!
Эй, осторожно!

И на последних строках дверь не выдержала напора и мой брат ворвался и увидел, что я мертва.

Что такое мы? Это личность, наш разум, или что-то духовное? Эли же симбиоз материального и духовного? Ответить на это вопрос пытались столетиями, и причем люди намного умнее меня, и все же ответа нет, это экзистенциальный вопрос так остался без ответа. А все от того что отбрасывалась физика и биология тела от сознания-духа. Скажешь чушь полнейшая, но вот какая ирония сейчас я могу ответить, почему говорят, что душа в сердце, почему оно тянет, почему их мы любим, и от чего оно болит, когда нас предают. И вот казус ответы будут не в философии, а в биологии. По всей логике душа, должна быть в голове, вот нонсенс первая живая клетка была не разумом, первая клетка, что запустила процесс формирования нас в чреве матери после оплодотворения, она переродилась в сердце. Наша жизнь началась с сердца, от того оно тянет, оно самое старое, оно помнит небытие, ведь оно было первым, оно помнит одиночество, там душа просто потому что именно оно помнит страх одиночества как клетки!

А когда ты умираешь все это так отчетливо, все идет с конца до начал, до той самой клетки. Эмоции нарастаю, настолько, что трудно понять какие они по оттенку, но дойдя до последний-первой, вдруг все замирает тебе, словно дается время на то что бы последний раз обдумать и вспомнить, прочувствовать свою жизнь. В этот самый момент ты четко осознаешь, что это конец, прежней. И вот ты уже готов, но вдруг по немыслимой причине, словно издеваясь над тобой процесс, идет вспять. С необычайно, немыслимой скоростью, возвращая обратно, и тебе больно… Но эту боль ты готова пережить…

Но на одно небольшое мгновения, все же дают посмотреть дальше, рассказывают сполейлеры. Показывают, словно насмехаясь, ведь эти картинки не останутся, но часть тебя все же запомнит, и по этой причине ты будешь уже другой. Хотя нет ты другая изначально… Это словно строки из книги что ты пишешь, и вновь перечитываешь. Тебе с каждым разом охота добавить все новые и новые предложения, не изменить саму, а лишь, внести эти мельчайшие штрихи. Но все это ты забудешь, останется лишь часть, и чувство что там в пропусках было что-то важное, но… И вот ты проснёшься, словно от векового сна, в смятении и растерянности.

Я буду как автор что оставил свое произведение на полгода и вот вновь начел писать. Слова будут даваться тяжело, персонажи их жизни и поступки, воспримутся с иного ракурса. Это история станет для тебя более не личной, и ты увидишь ошибки, ляпы и повороты не туда. Но до этого тебе еще нужно вспомнить каково это – творить, и не ругаться на белый лист бумаги! Начни с того что вспомни – слова…

Картины, лик, на мгновения появилось его лицо. Он стоял рядом, и я с ним, видела себя со стороны, и слышала слова что говорила. Произнесла, – Ты ничего не сказал, но в то же время сказал больше чем нужно! А после мои веки готовы сомкнуться и не отвориться, экран медленно сверху закрывается черной полоской, и вот уже полоска света почти потухла как…

Я вскочила – ожила рядом со мной был брат, а в отдалении еще какой-то человек. Место было не чем иным как морг. Дышать было неимоверно тяжко. – Ты как, – произнес первый. Я повернула голову и посмотрела не него, не произнеся не слова, моя рука непроизвольно протянулась вперед. Он ее взял своей повернул и удивился, – шрамы! – Что, – все еще находясь в шоковом состоянии, произнесла я. – Их нет, – ответил тот. – Добро пожаловать обратно, – встрял таинственный человек и добавил, – когда будете готовы позвоните, – промолвил он и положил визитку на одну из каталок и удалился прочь.

Я все еще не могла говорить была в растерянности. Внутри все словно перемешалось настолько что невыносимо и невозможно описать. Это столь сложно и многогранно, что тебя переполняют эмоции лишь от того что нет определений таким вещам. В эти минуты, первые мгновения, ты знаешь очень многое. Знаешь, как устроена и функционирует вселенная. Но от этого будто кто-то отгоняет от этих познаний палкой, бьет и не дает запомнить, нет даже не так вырывает эти знания из тебя. Хм, ты хочешь поведать хоть малую, часть, пытаешься что-то вымолвить, но получается лишь.… Невнятные звуки… Это принимают за шок, за страх, но там нет страха, в эти мгновения я хотела их предупредить, но как всегда они были слепы, игнорировали меня! Останься он там, я бы вспомнила, слова, смогла произнести их, но нет, он сбежал в панике, в страхе…

И следом за ним явился другой, то, что помог! Он отворил дверь и молча зашел, положив одежду на край и отвернув свой взгляд в стенку начал говорить. Я не запомнила ничего кроме одной детали в его образе, а именно прическе. Те длинные волосы, что были расплетены в три пучка. – le plus difficile à se réveiller, – начал тот и продолжил, – когда ты все еще спишь, но знаешь что это сон, всеми силами борешься что бы очнуться, но у тебя не выходит! Тот все стоял, облокотившись на кромку моей каталки, в то время как я одевалась, он ждал этого, но не останавливался и говорил. – Это из-за того что в снах, ты пытаешься вспомнить, что ускользнуло, те знания, идеи что мелькнули. But no matter how you try, the outcome will be only insanity. Но ты не перестанешь копать!

Я оделась, встала с кровати и повернулась к нему тот повернул свою голову ко мне и я, наконец, смогла произнести свои первые внятные слова. – Кто я? – Ты, как твой брат ошибки, огромный эксперимент по переделки мира! Ты не человек, нечто иное, а смерть Кости не случайность… – Откуда они, – разжав руку, произнесла я, показывая монеты в своей руке. – Это твои вопросы, – удивленно промолвил тот. И спрыгнув с каталки отойдя в угол, продолжил, – Тебя будут склонять одна и другая сторона, но в итоге ты придешь к равновесию, именно из-за этих монет. – Я ведь не мертва, так, – спросила я. – Если бы так, то здесь стоял бы не я, а иной человек, – ответил тот. – Я не хочу, – едва сдерживая прилив эмоций, и вспоминая картины из будущего, что мне указали, произнесла я. Тот сделал пару шагов к двери и промолвил, – спустя мгновения ты и не вспомнишь, но я все же произнесу, некто не хочет, некто и не должен. Но потому кто твои родители, ты одна из двух кто в силах… Хм, – задержавшись в дверях вымолвил тот, – Костя на тебя поставил, не подведи, моего друга…

Тот удалился, но последняя фраза вела меня в некоторый ступор, так что я присела на каталку. Незнакомец произнес ее так будто не просто знал его, а так будто общался с ним

буквально вчера. Это же подхлестнуло мою память и я увидела картины будущего и прошлого, все было в пересмешку, но одни сцены я помнила а иных не было, быть может он… и это он… Я не знаю, но вот я снова потерялась!

– Откуда это одежда, – посмотрев на себя, произнесла я. – Я, я, я, – подняв голову и увидев свое отражение в зеркале промолвила я и подошла к нему. – Это, сон кошмар, нет, – увив отблеск в своих глазах затихла я и, повернув голову, узрела каталку, – это все реальность, все это было. На этом ложе лежала куртка, блекло коричнева, с нашивками на плечах, 15 рублями в одном кармане и 57 и 70 копейками в другом. Во внутреннем кармане были еще клочки бумажек, с записями, и пара чеков из магазина. Я все это знала, хоть видела эту куртку в первый раз, и не имела ни малейшей догадки о том кому она принадлежит. Откуда, и зачем все эти познания? Я накинула ее, себе на плечи и как-то машинально закинула три важных вещи в один из карманов, быть может, это имело какой-то смысл, или же мне было просто холодно? и следом покинула это безжизненное помещения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.